

ДАЙНА
ДЖЕФФРИС

*Когда
начнутся
дожди*

Дайна Джеффрис

Когда начнутся дожди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65804270

*Когда начнутся дожди: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва; 2021
ISBN 978-5-389-20004-3*

Аннотация

1930 год, времена британского колониального владычества в Индии. После гибели мужа Элиза решает посвятить себя карьере. Молодая вдова – талантливый фотограф, и когда ей предлагают на год отправиться в Индию, чтобы запечатлеть сцены из жизни правящей династии в одном из княжеств, она с готовностью хватается за эту возможность проявить себя. Элиза не подозревает, как круто поездка изменит ее судьбу. И какой трудной эта судьба окажется. Индия полна контрастов и противоречий, многое здесь вызывает восторг, многое повергает в ужас. Сословное неравенство и вековые традиции, общественное мнение и дворцовые интриги... Кажется, все обстоятельства против того, чтобы Элиза и мужчина, которого ей предстоит полюбить, были вместе. Впервые на русском!

Содержание

Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	37
Глава 3	44
Глава 4	67
Глава 5	87
Глава 6	93
Глава 7	110
Глава 8	121
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Дайна Джеффрис

Когда начнутся дожди

Посвящается Ричарду

Dinah Jefferies

BEFORE THE RAINS

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London

Copyright © Dinah Jefferies 2017

The author has asserted her moral rights

All rights reserved

© А. Д. Осипова, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

Издательство Иностранка®

Дели, Индия. 23 декабря 1912 года

Анна Фрейзер замерла в ожидании на резном балконе одного из *хавели*¹, располагавшихся вдоль дороги. К одина-

¹ *Хавели* – обустроенные, как дворцы, здания, служившие жилыми и торговыми помещениями для зажиточных купцов преимущественно мусульманского про-

дцати часам утра улицы вымыли и обрызгали маслом, но поднятая порывами ветра пыль забивалась в глаза собиравшимся зрителям. Раскидистые нимы² и пипалы³, высаженные рядами в центре старинного рынка Чандни-Чоук, качались на ветру неистово, будто с вызовом. Казалось, даже вороны не желали оставаться в стороне: с карканьем и криками, напоминая хриплый смех, они высоко кружили над узкими улочками, расходящимися в стороны от главной площади.

Анна держала над головой белый зонтик и с затаенной тревогой смотрела вниз, на торговцев, продававших все на свете: от свежего шербета до жареной рыбы с чили. Чего здесь только не было: диковинные фрукты, сари из шифона, книги, ювелирные украшения, а за окнами, скрывавшимися за решетками с изящной резьбой, мастерицы портили себе глаза, украшая тонкой вышивкой шелковые шали. Аромат сандалового дерева наполнял воздух. Аптекари зарабатывали немалые деньги, готовя мази и снадобья причудливых цветов. Дэвид говорил, что их делают на змеином масле, но позже Анна узнала, что при изготовлении некоторых лекарств дают ящериц, а для цвета добавляют гранат. Считалось, что здесь, в сердце этого города, можно найти все, что

исхождения в современных Северной Индии и Пакистане. Это слово употребляется также для обозначения жилых зданий.

² *Нимы* – вечнозеленые деревья высотой 12–18 м с раскидистой кроной.

³ *Пипалы* – вечнозеленые деревья, также известные под названиями фикус священный и дерево бодхи.

пожелаешь.

«Все, что пожелаешь! Какая горькая ирония», – пронеслось в голове у Анны.

Она повернулась в ту сторону, откуда вскоре появится вице-король верхом на слоне, а с ним его супруга, вице-королева. Дэвид, муж Анны, заместитель главы окружной администрации, лопааясь от гордости, сообщил, что он тоже будет ехать на слоне, на одном из пятидесяти трех, специально отобранных для процессии, которую будет возглавлять вице-король. Резиденцию британского правительства перенесли из Калькутты в Дели, и в этот день вице-королю лорду Хардингу предстояло сделать этот переход официальным, торжественно вступив в стены старого города. Церемониальное шествие начнется от главного железнодорожного вокзала Дели на Куинз-роуд.

С улицы до Анны долетало пение канареек и соловьев из десятков клеток, висевших на фасадах лавок, а вдалеке раздавались резкие звуки трамваев. Потом Анна поглядела на растущую толпу, поражающую восточным богатством красок. Окликнула дочь, Элизу.

– Милая, иди сюда! Они сейчас будут.

Элиза тихонько сидела и читала, чтобы скоротать время, но, услышав слова матери, опрометью кинулась на балкон.

– Где? Где?

– Ну что ж ты за егоза такая? Потерпи несколько минут, – произнесла Анна и взглянула на часы.

Одиннадцать тридцать.

Элиза упрямо тряхнула головой. Она и так уже ждала слишком долго. Трудно сдерживать такое небывалое возбуждение, когда тебе всего десять лет.

– Папа, наверное, вот-вот придет, – сказала она.

Анна вздохнула:

– Посмотри на себя. Только что надела платье – и уже измяла.

Элиза опустила взгляд на свое белое платьице с оборками, специально сшитое по такому случаю. Она изо всех сил старалась его не испортить, вот только отношения с платьями у нее почему-то не складывались. Не то чтобы она была неряхой, просто вокруг столько всяких интересных занятий! К счастью, папа никогда не сердился, как бы сильно дочь ни измазалась в грязи. Элиза его обожала: папа самый красивый и самый веселый, он всегда ее обнимет, а среди катышков и пуха в его кармане непременно лежит конфета в обертке.

За толпой местных жителей на специально возведенных трибунах сидели британцы. По сравнению с индийцами они выглядели совсем бесцветными в одежде из светлого хлопка и льна. Несмотря на все великолепие этого дня, Анна невольно подметила, что у многих индийцев вид унылый. Возможно, причина в пронизывающе холодном ветре, дующем с Гималаев. А британцы, напротив, демонстрировали радостное предвкушение. До Анны долетел запах имбиря и масла *ghi*. Сморщившись, она нетерпеливо забарабанила пальцами по

перилам. Когда Дэвид предложил Анне поехать с ним в Индию, какие только чудеса он ей не сулил! Но с каждым проходящим годом чары рассеивались.

А внизу непоседливые дети уже норовили сбежать от матерей. Один ребенок отделился от толпы зрителей и шагнул прямо на дорогу, по которой процессия проследует в форт.

Анна стала высматривать женщину, не уследившую за своим отпрыском. «Отпускать от себя такую крошку! Верх легкомыслия», – подумала она. Тут Анна заметила женщину в ярко-изумрудной юбке и такой же шали. Погруженная в свои мысли, та глядела на их балкон. Возможно, это и есть мать. Казалось, эта женщина смотрела прямо на Анну. Когда их взгляды встретились, Анна подняла руку, собираясь указать нерадивой мамаше на ребенка. Но незнакомка тут же отвела взгляд, шагнула на дорогу и за руку втянула свое чадо обратно в толпу, где ему ничто не угрожало.

Наблюдая за столпотворением на улице, Анна радовалась, что избавлена от этой толчеи. Кого здесь только не было: беззубые старухи, чьи головы и лица были скрыты покрывалами, уличные попрошайки, завернувшиеся в свои потертые одеяла, торговцы всевозможными товарами, их дети, жители этой улицы, кутавшиеся в шали. Гвалт стоял такой, будто все они ругались друг с другом. Вдоль домов бродили кошки. Вскинув головы, они не спускали глаз с голубей, рассеявшихся по веткам деревьев. Мужчины средних лет стояли с важным видом, время от времени украдкой поглядывая на

так называемых «танцовщиц». Где-то пели детские голоса. От них на сердце у Анны стало немного теплее.

Нельзя было не почувствовать, что каждый дюйм этой старинной площади, каждое здание насквозь пропитаны историей. Все знали, что в былые времена этим путем проходили процессии императоров. Принцы моголов гарцевали здесь на конях, а потом появились британцы со своими амбициозными планами построить новый, сильный имперский Дели. После того как год назад король прибыл в Дели, воцарился мир. С тех пор политические убийства прекратились. Вот почему в этот праздничный день дополнительные меры предосторожности сочли излишними.

Раздался громкий пушечный залп, возвещавший о прибытии вице-короля. За первым залпом последовал второй. Толпа сразу забурлила. Теперь люди высовывались из окон и свешивались с балконов, глядя в ту сторону, откуда доносились выстрелы из пушек. Вдруг Анну охватила смутная тревога, почти предчувствие. Но это она осознала позже, а в тот момент лишь отмахнулась от непонятного ощущения. Анна опять посмотрела на часы и тут заметила вдалеке самого крупного слона из всех, что ей доводилось видеть. На спине он нес великолепный серебряный паланкин с открытым верхом. Оттуда наблюдали за происходящим внизу лорд Хардинг и его жена. Светло-серый слон, в бархатной попоне и золотой сбруе, был на индийский манер разрисован цветными узорами. Процессия уже прошла через Королевские са-

ды, но публике там скапливаться не разрешалось. Толпа на Чандни-Чоук разразилась оглушительными приветственными криками.

– Я не вижу папу! – попыталась перекричать шум Элиза. – Он точно здесь?

– О боже! Свет не видывал такого нетерпеливого ребенка! Элиза глядела на улицу, где десятки детей прорывались через толпу к дороге. Она многозначительно посмотрела на мать.

– Нет, не я тут самая нетерпеливая. Посмотри на них! А ведь их отцы даже не участвуют в процессии.

Элиза ухватила за перила балкона и высунулась настолько далеко, насколько осмеливалась. Она даже подпрыгивала на месте от предвкушения. Наконец показалась длинная вереница слонов. Девочка едва могла сдерживать радость.

– Осторожно! – укоризненно произнесла мать. – Будешь так скакать – вывалишься!

За вице-королем ехали двое специально выбранных представителей городской администрации, за ними принцы Раджпутаны и пенджабские вожди на еще более искусно украшенных слонах. Вождей окружали местные воины с мечами и копьями, закованные в традиционные церемониальные доспехи. А за ними – остальные члены британского правительства на слонах, украшенных намного скромнее. Элиза выучила этот порядок наизусть. Папа ей все подробно объяснил. Элиза настояла, чтобы он на несколько секунд оста-

новился и помахал ей рукой, когда его слон будет проходить под их балконом. Между тем ветер стих и выглянуло солнце. Трудно было выбрать более подходящее утро для процессии. Наконец наступил торжественный момент.

Анна в очередной раз взглянула на часы. Одиннадцать сорок пять. Минута в минуту. На другой стороне улицы женщина в изумрудном держала ребенка на руках, чтобы тот ничего не пропустил. «Так-то лучше», – отметила Анна.

Британцы встречали процессию приветственными криками. Тут и там раздавалось громовое «Ура!» и «Боже, храни короля!». В ответ лорд Хардинг салютовал толпе, а Элиза тем временем наконец заметила отца. Она радостно замахала рукой. Слон вице-короля сделал еще несколько шагов вперед, а слону Дэвида Фрейзера пришлось остановиться, чтобы наездник смог исполнить желание дочери. Дэвид поглядел вверх, на балкон, собираясь помахать Элизе в ответ, и тут прогремел взрыв, оглушительный, будто залп мощнейшей пушки. Толпа моментально затихла. Здания содрогнулись. Вся процессия резко встала. Потрясенные Анна и Элиза уставились на разлетающиеся мелкие обломки и клубы белого дыма. Элизу будто ударили в грудь. Вытирая слезящиеся глаза, девочка отскочила от перил балкона. Она не видела, что произошло, но вокруг дрожал даже воздух. Вот дым немного развеялся, и мама ахнула.

– Мама, что там такое? – вскричала Элиза. – Что случилось?

Ответа не было.

– Мама!

Но казалось, мать ее не слышала. Элиза только видела, как что-то пронеслось по воздуху, и теперь она понятия не имела, что делать. Девочка растерянно глядела на ошеломленную толпу. Почему мама ей не отвечает? Элиза потянула ее за рукав, и тут заметила, что мама вцепилась в перила так крепко, что костяшки пальцев побелели.

Толпа внизу хлынула вперед. Сквозь облако пыли Элиза разглядела солдат. Они со всех сторон бежали к вице-королю. От жуткого запаха обгоревшего металла и непонятной химической вони было трудно дышать. Элиза закашлялась и опять потянула маму за рукав.

– Мама! – прокричала она.

Но та застыла как статуя: лицо бледное, глаза широко распахнуты.

Казалось, будто время вдруг стало текучим и все вокруг замедлилось. Анна видела только женщину в изумрудном на другой стороне улицы. Та лежала в обмороке. Элиза тоже видела эту женщину, но не понимала, почему мама все указывала на нее пальцем. Единственное, что Элиза знала точно: сердце у нее сжалось так больно, что она вот-вот расплачется.

– С папой ничего не случилось, правда, мама?

Наконец Анна обратила внимание на дочь.

– Не знаю, милая.

Хотя казалось, что Анна смотрела только на женщину на другой стороне улицы, она заметила, как ее муж покачнулся в паланкине, а потом его бросило вперед. На какую-то секунду он выпрямился и даже улыбнулся Элизе, но потом снова упал и больше не двигался. Слуга, державший зонт над головой вице-короля, тоже упал, соскользнул с бока слона и теперь висел, запутавшись в веревках паланкина.

А Элиза тем временем в состоянии была думать только об одном: о папе. С ним все в порядке. По-другому и быть не может. Вдруг она сообразила, что делать. Не надеясь достучаться до мамы, она развернулась, слетела вниз по лестнице и выбежала на улицу. Там она столкнулась с индийским мальчиком, на вид лишь чуть-чуть постарше ее. Не в силах подобрать слова, Элиза растерянно уставилась на него.

– Папа, – только и прошептала она.

Мальчик взял ее за руку.

– Не ходи туда. Ты ничем не сможешь.

Но Элиза должна была увидеть папу. Она высвободила руку и стала проталкиваться сквозь толпу. Пробившись вперед, Элиза застыла. Слон был так перепуган, что отказывался опускаться на колени. Остолбеневшая Элиза наблюдала, как один английский офицер установил лестницу на ящик из ближайшей лавки. Наконец ее отца спустили вниз со спины слона и уложили на землю. На первый взгляд казалось, будто он цел и невредим, вот только лицо стало прозрачно-бледным, точно лед, а в широко распахнутых глазах застыло по-

трясение. Спотыкаясь и чуть не упав, Элиза кинулась к папе и опустилась рядом с ним на колени. Она в ужасе уставилась на него, потом обхватила его тело руками. Новое платье быстро пропиталось кровью, сочившейся из раны человека, которого она любила больше всех на свете.

– Увы, бедняга погиб на месте, – рассуждал кто-то. – Эти гады начинили бомбу всем подряд: болтами, гвоздями, граммофонными иглами, стеклом. Ему что-то вонзилось прямо в грудь. Нарочно бы туда целились, не попали бы! Если надо будет, мы Чандни-Чоук с землей сровняем, а так называемых борцов за свободу, которые это сделали, разыщем.

Элиза продолжала обнимать отца. Она прошептала ему на ухо:

– Папа, я тебя люблю.

И всегда потом она будет говорить себе, что он ее слышал.

Ропот толпы звучал все громче, а мальчик мягко сказал:

– Пожалуйста, мисс, позвольте я помогу вам встать. Он ушел.

Элиза поглядела на мальчика. Ей казалось, что это все сон.

Часть первая

*Удаленная от нас и в мечтах, и во времени,
Индия принадлежит древнему Востоку нашей души.
Андре Мальро⁴. Антимемуары, 1967 г.*

Глава 1

*Княжество Джурайпур, Раджпутана,
Индийская империя. Ноябрь 1930 года*

Элиза мельком, всего на секунду, увидела фасад дворца. Это зрелище потрясло ее: дворец светился, будто мираж, родившийся из дрожащего воздуха пустыни. Он казался чем-то неземным и немного пугающим. Ветер ненадолго стих, но тут же задул с прежней силой. Элиза на мгновение закрыла глаза, чтобы отгородиться от этого дрожащего песка. Как бы далеко от дома она ни забралась, пути назад нет. Она не имела ни малейшего представления, что ее ждет, и в душе шевельнулся страх. Элизе двадцать девять, и это ее самое важное задание с тех пор, как она начала карьеру про-

⁴ *Андре Мальро* (1901–1976) – французский писатель, министр культуры в правительстве де Голля.

фессионального фотографа. Правда, Элиза так и не поняла, почему Клиффорд Салтер выбрал ее. Впрочем, он объяснил, что ей будет проще фотографировать живущих во дворце женщин: многие из них до сих пор побаиваются чужаков, особенно мужчин. К тому же вице-король просил прислать именно британского фотографа, чтобы тот не разрывался, решая, на чью сторону встать. Элизе будут платить каждый месяц, а после успешного выполнения задания ее ждет солидное вознаграждение.

Элиза открыла глаза. Все вокруг блестело: и песок, и пыль в воздухе. Дворец снова скрылся из виду. Над ней – чистое голубое небо и беспощадное солнце. Проводник, который взялся довести ее до города, развернулся и велел ей поторапливаться. Элиза опустила голову, защищая глаза от поднятого ветром песка, и залезла обратно в запряженную верблюдами повозку. Она бережно прижимала к груди сумку с камерой. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы песчинки повредили ее драгоценный груз.

Когда они приблизились к цели путешествия, Элиза вскинула голову и увидела похожую на сказочный замок крепость, раскинувшуюся на вершине горы. Сотни птиц кружили над сиреневым горизонтом. Высоко над ними тонкие нити розовых облаков образовывали причудливый узор. Одурманенная жарой, Элиза старалась не пасть жертвой здешних чар: она ведь приехала работать. Но воспоминания о далеком прошлом навеял отнюдь не ветер, от которого Элиза пы-

талась укрыться, сторбившись на дне повозки, а недавние события в ее жизни.

Когда Анна Фрейзер обратилась к Клиффорду Салтеру, она думала, что благодаря связям богатого крестника ее мужа дочь возьмут на работу секретарем в приемную адвоката в Чичестере, или что-нибудь в этом роде. Анна надеялась, что тогда дочь бросит свою нынешнюю карьеру: кому нужна женщина-фотограф? Однако желающий нанять ее в этом качестве нашелся, и это оказался не кто иной, как сам Клиффорд. Он заявил, что для его целей Элиза – идеальный вариант. Тут Анна возразить не смогла. Клиффорд – представитель британской короны, он отчитывался только перед главой администрации Раджпутаны или агентом генерал-губернатора Индии, который в статусе серого кардинала управлял всеми двадцатью двумя княжествами. Вместе с резидентами и главами администраций небольших и менее значительных индийских штатов он принадлежал к политическому департаменту, напрямую подчинявшемуся вице-королю.

И вот теперь Элизе предстояло провести год во дворце, где она никого не знала. Ей поручено запечатлеть сцены из жизни княжества для нового архива, чтобы отметить тот факт, что резиденция британского правительства наконец переместится из Калькутты в Дели. Строительство Нью-Дели заняло намного больше времени, чем ожидалось, а из-за войны и вовсе пришлось все отложить. Но теперь время пришло.

Элиза из рассказов матери знала, как страдают здешние жители. За мощными стенами крепости Элиза заметила уличных мальчишек, игравших в пыли и грязи. Нищенка-попрошайка, скрестив ноги, сидела рядом со спящей коровой и смотрела прямо перед собой невидящим взглядом. Бамбуковые строительные леса у высокой стены рядом с ней угрожающе покачнулись на ветру. Две деревянные доски зашатались прямо над головой голого малыша, сидевшего на корточках на земле.

– Стойте! – крикнула Элиза.

Повозка остановилась, она спрыгнула. Тут одна доска отвязалась и заскользила вниз. С бешено бьющимся сердцем Элиза кинулась к ребенку и оттащила его в сторону. Доска рухнула на землю и раскололась на несколько кусков. Малыш убежал. Проводник пожал плечами. «Неужели им ни до чего нет дела?» – думала Элиза, когда они въезжали на насыпь под крепостными стенами.

Несколько минут спустя проводник ожесточенно заспорил со стражниками у ворот крепости. Те упорно не желали их пропускать, хотя проводник показал им бумаги. Элиза окинула взглядом грозный фасад и огромные, широкие ворота: через такие пройдет целая армия вместе с верблюдами, лошадьми и повозками. Элиза слышала, что у местного правителя есть даже несколько автомобилей. Увы, машина, на которой путешествовала она сама, сломалась. Элиза вынуждена была продолжить путь на повозке, запряженной

верблюдами, поэтому к месту назначения прибыла уставшая, страдающая от жажды и с ног до головы облепленная пылью. От песка жгло глаза, кожа головы зудела. Элиза старалась не чесаться, потому что от этого становилось только хуже, но не могла удержаться.

Наконец за ворота вышла женщина. Длинный тонкий платок скрывал все ее лицо, кроме темных глаз.

– Имя?

Выставив ладонь козырьком, чтобы защитить глаза от пронзительно яркого полуденного солнца, Элиза объяснила, кто она такая.

– За мной.

Женщина кивнула стражникам. Те нехотя пропустили Элизу внутрь.

Прошло восемнадцать лет с тех пор, как Элиза с матерью покинули Индию и вернулись в Англию. Все эти восемнадцать лет дела Анны Фрейзер шли все хуже и хуже. Но Элиза твердо решила вырваться на свободу. Для нее это задание стало вторым рождением, будто загадочная невидимая рука вернула ее к жизни. Впрочем, в Клиффорде Салтере не было ничего загадочного. Ореол тайны, пожалуй, добавил бы ему привлекательности, ведь трудно было представить человека с более заурядной внешностью. Редеющие светлые волосы и вечно слезящиеся близорукие бледно-голубые глаза делали его совсем уж невзрачным. И все же Элиза была ему признательна: именно он дал ей эту работу посреди скопления

княжеств в пустынной части Индийской империи, на земле раджпутов – благородных кланов воинов.

Прежде чем пройти через великолепную аркаду, Элиза постаралась стряхнуть с себя хоть часть пыли. Евнух провел ее по лабиринту выложенных плиткой покоев и коридоров в маленький вестибюль. Элиза слышала о кастрированных мужчинах в женской одежде, и в присутствии одного из них ей стало не по себе. Вестибюль охраняли женщины. Устремив на Элизу недобрые взгляды, они преградили ей путь к массивным сандаловым дверям, инкрустированным слоновой костью. Евнух что-то им объяснил, и Элизу наконец пропустили внутрь, но тут же оставили одну. Она окинула взглядом помещение, в котором оказалась. Комната была выкрашена лазурной краской, повсюду сверкали золотые узоры. Цветы, листья, филигранные завитки поднимались по стенам и тянулись через весь потолок. На каменном полу лежал ковер точно такого же небесно-голубого оттенка. Хотя цвет был слишком яркий, в целом помещение выглядело очень красиво и изящно. Среди всей этой лазури Элизе казалось, будто она парит в небе.

Может быть, нужно как-то дать знать о своем присутствии? Вежливо кашлянуть? Позвать кого-нибудь? Она вытерла вспотевшие ладони о брюки и опустила на пол сумку с тяжелым фотографическим оборудованием, но, поколебавшись секунду, снова подняла ее. Волосы Элизы были собраны в узел на затылке, а одета она была в затрапезные брю-

ки цвета хаки и белую блузку, которая с утра была свежей, но теперь висела унылым мешком. Ее внешний вид только лишний раз доказывал, что ей здесь не место. Нет, ей никогда не стать своей в этом мире великолепных цветов и узоров. Большую часть жизни Элиза лишь притворялась, будто вписывается в компанию: болтала о пустяках, изображала интерес к людям, которые ей несимпатичны. Она очень старалась ничем не выделяться среди других девочек, а потом – женщин. И все же ощущение собственной чужеродности не покинуло ее даже после свадьбы с Оливером.

За голубой комнатой виднелась ярко-оранжевая. Лучи солнца лились внутрь через маленькое прямоугольное окошко и подсвечивали кружившиеся в воздухе пылинки. А дальше Элиза заметила угол еще одной комнаты, на этот раз с насыщенными красными стенами. А еще дальше – украшенные резьбой стены *зенаны*. Элиза знала, что долгое время в зенану правителей Раджпутаны допускали только тех, в чьих жилах течет княжеская кровь. Клиффорд объяснил ей, что зенана – он называл ее гаремом – место тайн и интриг. Там царят коварство, сплетни и разнузданный эротизм, утверждал он. Все обитательницы зенаны обучены «шестнадцати искусствам быть женщинами». Это место – гнездо разнузданности и разврата, и остается им, даже несмотря на присутствие местного духовенства. А может быть, благодаря ему, прибавил Клиффорд и подмигнул. Предшественники Клиффорда, британские чиновники, всячески пытались искоренить са-

мые нездоровые сексуальные практики в зенане.

Элиза задумалась: что же это за шестнадцать искусств такие? Будь она им обучена, возможно, ее брак был бы счастливее. Но, вспомнив, какой одинокой оставалась она, выйдя замуж за Оливера, Элиза фыркнула при одной только мысли об этом.

Из красной комнаты доносился приторный запах восточных благовоний. Элиза уловила аромат корицы и, кажется, имбиря, а еще чего-то одурманивающе сладкого. Это благоухание только подтверждало все, что Элиза слышала про зенану. Она почувствовала себя как в ловушке. До чего же ей хотелось подойти к окну, отдернуть белые занавески, колыхавшиеся на ветру, высунуться наружу и глотнуть свежего воздуха.

От тяжести у Элизы заныли руки, и она наклонилась, чтобы поставить свой увесистый багаж на ковер. На этот раз она отнесла его к стене, туда, где на мраморной колонне стояла лампа в форме павлина. При звуке низкого кашля Элиза вскинула голову и торопливо выпрямилась, убирая с лица пряди волос, которые не сумели сдержать тщательно распределенные по голове шпильки. Густые, длинные вьющиеся волосы Элизы были ужасно непослушными, и она всю жизнь с ними боролась.

При виде вырисовывавшегося на фоне окна силуэта очень высокого мужчины Элизу охватила тревога, но она постаралась взять себя в руки.

– Вы британка? – спросил мужчина.

Элиза уставилась на него во все глаза. Она не ожидала услышать такую безупречную английскую речь.

Мужчина шагнул вперед, и луч света упал ему на лицо. Мужчина был индийцем и выглядел очень сильным. Его одежду покрывала красная и рыжая пыль, а на локте правой руки у него сидела крупная птица с капюшоном на голове.

– Вам точно сюда можно? – спросила Элиза. – Это же вход в зенану, верно?

Она смотрела в широко посаженные глаза цвета янтаря, обрамленные поразительно длинными и темными ресницами, и удивлялась, почему на голове у этого человека нет тюрбана. У раджпутов их носят все мужчины, разве нет? Темная кожа незнакомца сияла на солнце, а блестящие каштановые волосы вились свободными локонами.

– Наверное, вам лучше зайти через вход для торговцев, – прибавила Элиза.

Ей хотелось, чтобы незнакомец побыстрее ушел. Скорее всего, он пришел во дворец торговать, хотя по виду больше похож на цыгана или странствующего певца. Элиза почувствовала, как ее блузка намочила под мышками. Теперь у нее вспотели не только ладони.

В этот момент в комнату вошла пожилая индианка в традиционном костюме, украшенном золотой вышивкой: длинная широкая юбка (*гагра*), облегающая блузка (*чоли*) и длинный струящийся шарф (*дупатта*). Гремучая смесь киноа-

ри, изумрудно-зеленого, алого и золотого! И все же вместе эти цвета смотрелись на удивление гармонично. Вокруг женщины распространялся аромат сандалового дерева. От нее веяло тихим спокойствием. Она потянула шнурок за мраморной колонной, и лампа в виде павлина зажглась, озарив ее руки синим и зеленым светом. Потом она сделала несколько шагов в сторону Элизы и слегка поклонилась, сложив ладони вместе. Пальцы женщины были унизаны десятками колец с драгоценными камнями, а ногти сверкали серебром.

– *Namaskār*⁵, я Лакшми. А вы фотограф, мисс...

– Элиза... Элиза Фрейзер.

Она склонила голову. Может быть, сделать реверанс? В конце концов, эта женщина была махарани – то есть княгиней, – и она мать правителя Джурайпура. Клиффорд говорил, что о ее красоте и уме ходят легенды. Вместе с покойным мужем, старым махараджей, они модернизировали многие традиции штата.

Волосы Лакшми были заплетены в косу, а затем собраны в пучок на затылке. Длинная изящная шея, четко очерченные скулы, сверкающие темные глаза. Элиза воочию убедилась, что Лакшми не зря считают красавицей. Жаль, что она не попросила Клиффорда поподробнее объяснить ей придворный протокол. Клиффорд только посоветовал бороться с молю и термитами. Первые едят одежду, вторые грызут мебель.

Лакшми повернулась к мужчине:

⁵ *Namaskār* – санскритское слово, обозначающее приветствие.

– Вижу, ты опять притащил сюда эту птицу.

Мужчина небрежно пожал плечами и вскинул брови. Элиза обратила внимание, какие они темные и густые. Судя по его непринужденной манере, они с Лакшми хорошо знакомы.

– Его зовут Годфри, – ответил мужчина.

– Что это за имя для ястреба? – произнесла женщина.

Мужчина рассмеялся и подмигнул Элизе:

– У моего учителя классических языков в Итоне была фамилия Годфри. Замечательный человек.

– В Итоне? – удивленно переспросила Элиза.

Лакшми глубоко вздохнула:

– Позвольте представить моего второго и самого непослушного сына. Джайант Сингх Ратхор.

– Вашего сына?..

– Вы только и можете, что повторять чужие слова, мисс Фрейзер? – довольно язвительно спросила Лакшми, но тут же улыбнулась. – Впрочем, это естественно, вы ведь волнуетесь. Но я рада, что вы приехали запечатлеть нашу жизнь. Если я не ошибаюсь, фотографии нужны для нового архива в Дели?

При упоминании о работе Элиза оживилась и заговорила с энтузиазмом:

– Да, Клиффорд Салтер хочет, чтобы я сделала неформальные снимки, которые показывают реальную жизнь княжества. Индия манит и завораживает многих. Надеюсь, неко-

которые из моих снимков попадут в самые престижные фотожурналы. Лучше всего – в «Photographic Times» или «Photographic Journal».

– Понимаю.

– Составить полный путеводитель по жизни княжества на протяжении целого года! Не терпится приступить. Спасибо большое, что пригласили. Обещаю не путаться под ногами, но я столько всего хочу посмотреть, и свет у вас здесь потрясающий. Игра света и тени – это очень важно. Chiaroscuro, светотень, понимаете? Надеюсь, мне удастся...

– Да-да, уверена, вы знаете, что делаете. Ну а что касается моего сына, то он, как только отряхнет с одежды пыль пустыни, будет выглядеть гораздо презентабельнее. – Лакшми рассмеялась. – Признайтесь, вы ведь приняли его за цыгана?

Элиза почувствовала, что краснеет: она ведь и сама приехала вся облепленная пылью. Ее невольно бросило в жар, хотя самый знойный сезон еще не наступил.

– Не смущайтесь, после того как он пропадает в пустыне по несколько дней подряд, никто не узнаёт в нем принца. – Лакшми улыбнулась. – Тридцать лет, а только и делает, что ищет опасных приключений. Предпочитает проводить время среди дикой природы, а не с нами, цивилизованными людьми. Ничего удивительного, что он до сих пор не женат.

– Мама, – укоризненно произнес принц.

Элиза уловила в его тоне предостережение.

Затем принц отдернул занавески и с нарочито скучающим

видом оперся о подоконник.

Лицо Лакшми чуть дрогнуло, но она быстро сумела скрыть недовольство сыном и спросила у Элизы:

– Где ваше оборудование?

– Здесь только часть. Остальное в повозке.

Элиза указала в направлении, где, как ей казалось, должен был находиться двор.

– Распоряжусь, чтобы его отнесли в ваши покои. Будете жить здесь, чтобы мы могли за вами приглядывать.

Подобная перспектива звучала угнетающе. Видимо, тревога отразилась у Элизы на лице, потому что Лакшми снова рассмеялась:

– Успокойтесь, дорогая, я просто шучу. В пределах дворца можете перемещаться совершенно свободно. Мы в точности следуем инструкциям резидента.

– Вы очень добры.

– Доброта здесь ни при чем. В наших интересах по возможности угождать британскому правительству. Признаю, в прошлом отношения между нами складывались непростые, но я стараюсь использовать свое влияние, чтобы держать в узде некоторые группы у нас во дворце. Но хватит о наших делах. Для работы вам отведена темная комната с доступом к воде. Всё, как просили. А ваши личные покои очень удобны и выходят в красивый двор, где много растений в горшках.

– Благодарю. Клиффорд обещал, что обо всем договорится. Но я ожидала... Я думала, что у меня будет свой соб-

ственный угол.

– Нет, так не пойдет. Наш гостевой дом в городе сейчас на ремонте. Впрочем, проблема не только в этом. Мы в Джураипуре, конечно, отменили пурду⁶, но многие до сих пор считают, что женщина должна прятаться от посторонних глаз. Мы не можем допустить, чтобы вы бродили здесь одна.

– Вряд ли со мной что-то случится, – ответила Элиза с уверенностью, которой не ощущала.

– Нет, моя дорогая. Британцы полагают, что на свободу женщин выпустили именно они, но, откровенно говоря, сама я соблюдала традиции пурды чисто формально, а после того, как умерла мать моего мужа, он охотно внял моим просьбам и отменил этот обычай. Большинству мужчин играли на руку покорность и невежество женщин. К счастью для меня, мой супруг оказался не таким.

– А если мне понадобится выйти за пределы дворца?

– Разумеется, вас будут сопровождать. Кстати, вот вам и первое задание. Сейчас в самом разгаре месяц картика⁷, и Джайант любезно вызвался сопровождать вас на ярмарку верблюдов на реке Чандрабхага. Она состоится послезавтра. Слуги будут ехать следом за вами. Уверена, мой сын будет

⁶ *Пурда* – морально-этический кодекс, широко распространенный среди женского мусульманского населения Северной Индии, а также среди некоторых высших каст индусов, в частности раджпутов. Суть пурды заключается в полном затворничестве женщины.

⁷ *Картика* – восьмой месяц года по индуистскому календарю, начинается 23 октября и заканчивается 21 ноября.

рад возможности попрактиковаться в английском, а вам будет интересно посмотреть ярмарку. Наверняка найдете, что запечатлеть: верблюды разных цветов, множество интересных лиц... А завтра вы с мистером Салтером отправитесь на матч поло.

Элиза нервничала все больше. Ей не хотелось ни на матч поло, ни на ярмарку верблюдов. Она предпочла бы освоиться во дворце, прежде чем куда-то ехать, особенно в обществе этого принца, совсем не похожего на особу княжеских кровей. Элиза попыталась улыбнуться, но губы ее не слушались.

– Я рассчитывала сначала осмотреть дворец, – произнесла она.

Тут Элиза заметила, что принц наблюдает за ней со странным выражением лица. Ястреб по-прежнему сидел у него на локте.

– Мама, похоже, во дворце появилась женщина, у которой характера не меньше, чем у тебя, – проговорил он.

Элиза в первый раз уловила в его голосе шутливую интонацию. Кого он поддразнивает: ее? мать?

Лакшми ответила сдержанным смешком. Видимо, считала, что не родилась еще та женщина, у которой хватит характера ей противостоять.

– Дворец осмотреть вы всегда успеете, а ярмарку пропускать не следует. К тому же посмóтрите на сельскую местность и встретитесь с Индирой. Сейчас позову служанку Кири. Она проводит вас в ваши покои.

– Мама, неужели ты позволила Индире выехать вперед? Разве тебе проблем не хватает?

– Я послала с ней надежного человека и еще служанку. Да и вообще, она прекрасно разбирается в верблюдах.

Похоже, солнце уже клонилось к закату: длинные лучи света пересекали пол. Лакшми общалась с Элизой открыто и дружелюбно, но та чувствовала, что этой женщине лучше не перечить. Когда Лакшми с царственным видом выходила из комнаты, Джайант проводил ее очень почтительным поклоном. Теперь наступила очередь Элизы разглядывать его. Лицо у принца было сильное и волевое, с четко очерченными скулами, совсем как у матери, только в мужском варианте. Высокий лоб говорил об уме. Глаза янтарного оттенка. Еще Элиза обратила внимание на усы.

Тут принц с суровым видом посмотрел в ее сторону, и она поспешно опустила взгляд.

– Мы вас не звали, – холодно произнес он. – Нам был дан приказ пустить вас во дворец и повсюду сопровождать, и мы его исполняем. Британцы отдают много подобных приказов.

– Вы о распоряжениях Клиффорда Салтера?

– Совершенно верно.

– Значит, вы всегда их исполняете?

– Я... – Джайант запнулся и резко сменил тему, будто едва не сболтнул лишнего. – Моя мать хочет верблюда шоколадного оттенка.

– Разве такие бывают?

– В основном они встречаются на берегах Чандрабхаги. Вам там понравится. Мало кто из британцев там бывал. К тому же вы прекрасно впишетесь в тамошнее общество: волосы у вас того же цвета, что и верблюжья шерсть.

Принц улыбнулся, но Элиза чуть оцетинилась и провела рукой по волосам.

– Я предпочитаю называть этот оттенок медовым.

– В Раджпутане все не так, как вы привыкли.

– Можно спросить, кто такая Индира?

– Хороший вопрос. Индире всего девятнадцать, но ей уже никто не указ. Полагаю, вы найдете ее очень фотогеничной.

– Она ваша сестра?

Джайант отвернулся к окну.

– Нет, мы не родственники. Индира очень талантливая художница. Миниатюристка. Она живет здесь под покровительством моей матери.

За окном раздался детский визг и смех.

– Мои племянницы, – прокомментировал Джайант и помахал детям рукой, прежде чем снова повернуться к Элизе. – Три очаровательные малышки, но, к великому стыду моего брата, ни одного племянника у меня нет.

Тут в комнату вошла довольно молодая женщина и жестом велела Элизе следовать за ней. Элиза взяла сумку. Слова Джайанта ее рассердили. Как ему не стыдно говорить при ней такие вещи? Неужели он и вправду считает, что иметь только дочерей – позор?

– Оставьте сумку здесь. Вам ее принесут.

– Я, конечно, всего лишь женщина, но такая задача мне по плечу.

Джайант кивнул:

– Как пожелаете. Послезавтра будьте готовы выезжать в шесть утра. Не слишком рано?

– Разумеется, нет.

Принц окинул ее испытующим взглядом:

– А женская одежда у вас есть?

– Если вы про платья, то да, но для работы брюки гораздо удобнее.

– Да, любопытно будет узнать вас получше, мисс Фрейзер.

Снисходительная улыбка Джайанта просто выводила Элизу из себя. Кто дал этому высокомерному типу право ее судить? Наверняка этот мужчина – типичный представитель индийской знати: ленивый, избалованный, без четких целей в жизни. Чем больше Элиза об этом думала, тем сильнее кипятилась.

На следующий день Элиза проснулась рано, однако солнце уже так ярко светило сквозь тонкие занавески, что она прикрыла глаза рукой. Элиза вскочила и поспешила к окну. Ее не покидало странное ощущение, будто, несмотря на прошедшие годы, что-то от этой восточной страны до сих пор осталось у нее в крови и скрывается глубоко внутри. Один только запах индийской земли пробуждал далекие воспоминания.

нения. Элиза просыпалась несколько раз за ночь: ей все казалось, будто ее кто-то зовет. В еще прохладном утреннем воздухе чувствовался запах пустынных песков. Элиза вдохнула его полной грудью, одновременно ощущая и радостное оживление, и нервозность.

Как и обещала Лакшми, вид на двор оказался прекрасен. Элиза улыбнулась, наблюдая, как обезьяны прыгают с дерева на дерево и играют на самых больших качелях, какие ей доводилось видеть. Дворец являлся всего лишь частью гигантской крепости и стоял на вершине скалистого холма из песчаника, возвышаясь над золотистыми плоскими крышами города. Элиза любовалась этим видом, и у нее дух захватывало от восторга. Маленькие квадратные домики цвета яркой охры, тесно жавшиеся к крепостным стенам, сияли, будто были построены из начищенного до блеска металла. Но те дома, что стояли дальше, казались бледно-серебристыми. Они тянулись до самого горизонта: там город сменялся пустыней. Элиза будто заглянула в детскую коробку с красками. Здесь были собраны все оттенки золотистого и розового. Между домами к свету тянулись запыленные деревья, а над городом, будто облака, кружили огромные стаи птиц.

Пока царила утренняя прохлада, но Элиза подозревала, что ко второй половине дня температура достигнет семидесяти пяти градусов по Фаренгейту⁸, и это как минимум. Дождя, скорее всего, не будет. Элиза ломала голову, что надеть

⁸ 23,8 градуса по Цельсию.

на матч поло, и наконец выбрала блузку с длинным рукавом и юбку из тяжелого габардина. Перед долгим плаванием на корабле Элиза никак не могла решить, какие вещи взять с собой в Индию. От мамы помощи было мало: она только вспоминала про вечерние платья, которые носила в Индии до того, как ее мужа, отца Элизы, убили. У Элизы сохранилось не много воспоминаний о тех днях, но даже сейчас при одной мысли о папе в горле вставал ком.

Жизнь Элизу не баловала. После того как умер ее муж Оливер, она вернулась домой к матери. Элиза сразу заметила, что Анна постоянно прячет бутылки джина, чаще всего под кроватью или под кухонной раковиной. Анна упорно отрицала все обвинения, а иногда и вовсе не помнила, как напилась. В конце концов Элиза совсем отчаялась. Знакомство с Клиффордом Салтером в этой ситуации оказалось просто подарком судьбы. Отправившись в Индию, Элиза надеялась начать жизнь с чистого листа, но вот она снова погрузилась в размышления о прошлом: не только о проблемах матери, но и о многом другом.

Элиза обвела взглядом свою просторную, полную света и воздуха комнату. Кровать скрывалась за ширмой, а в углу было устроено что-то вроде маленькой гостиной: широкое кресло и удобный диван, за которым находилась арка, ведущая в небольшую столовую. Ни моли, ни термитов Элиза не заметила. Еще одна богато украшенная арка в стене напротив кровати с балдахином вела в роскошную ванную. Дверь

в темную комнату для проявки пленки находилась снаружи, в мрачном коридоре. К счастью, Элизу заверили, что ключ будет только у нее.

Раскладывая на кровати одежду, Элиза вспоминала, как вчера вечером шла сюда. Закат окрасил небо ярко-алыми красками, звонили колокола в храме, а две девочки на роликах едва не сбили ее с ног. Обе завизжали, захихикали, а потом извинились на хинди. Элиза порадовалась, что более-менее поняла их речь, и мысленно поблагодарила свою старую индийскую айю⁹, научившую ее этому языку. Перед отъездом из Англии Элиза брала уроки, чтобы освежить свои знания, и это тоже пошло ей на пользу.

Вскоре после этого слуга в безупречно чистых перчатках, белой форме и красном тюрбане принес на серебряном подносе миски с далом¹⁰, рисом и фруктами. Разобрав вещи, Элиза с удовольствием улеглась спать пораньше. Если бы не шум, она уснула бы мгновенно: так устала с дороги. Сначала долгое путешествие из Англии, потом необходимость добираться до Дели, и еще один день пути до Джурайпура. Но на тишину во дворце рассчитывать не приходилось. Музыка, смех, пение птиц, кваканье лягушек и даже детские голоса – все это долетало через окно вместе с криками павлинов, больше похожими на кошачьи вопли. Поэтому ночь выдалась беспокойной.

⁹ Айя – индийская няня или служанка.

¹⁰ Дал – традиционный индийский пряный суп из разваренных бобовых.

Элиза лежала без сна, не в силах устоять перед особым очарованием ночной поры в Джурайпуре: барабаны, тростниковые флейты, запах дыма, а главное – осознание, что люди здесь умеют наслаждаться жизнью на всю катушку, несмотря на нищету и суровый климат пустыни.

В голове у Элизы помимо ее воли крутились самые разные мысли, в том числе об отце и о муже. Сумеет ли она когда-нибудь простить себя за то, что произошло? Она должна это сделать, иначе не сможет воспользоваться уникальным шансом, который ей представился, к тому же о том, чтобы приползти обратно домой к матери, как побитая собака, и речи быть не могло. Элиза едва осмеливалась признаться даже самой себе, что надеется обрести в Индии то, что утратила в день, когда они уехали в Англию.

Глава 2

От испепеляющего зноя Элиза быстро взмокла и пожалела, что слишком тепло оделась. Для такой погоды лучше подошло бы муслиновое летнее платье, а не плотный лен. Впрочем, Клиффорд пришел в льняном костюме, рубашке и галстуке. Мероприятие оказалось гораздо более скромным, чем ожидала Элиза, и больше напоминало английский прием в саду. Однако постепенно собирались болельщики обеих команд – некоторые из них уже сидели на стульях, – и в воздухе повеяло оживлением. Элиза ни разу не бывала на матче поло. Площадка, окруженная деревьями и металлической оградой, смотрелась живописно, особенно на фоне холмов на горизонте.

– По крайней мере, здесь сухо, – заметил Клиффорд. – В Англии грязь на полях – большая проблема.

Он объяснил, что британская команда состоит из английских офицеров Пятнадцатого уланского полка. Они привели с собой компанию очень шумных болельщиков, многие из которых, похоже, уже успели выпить. Присутствовали еще несколько военных чинов в сопровождении слуг и запасные игроки, одетые в форму.

Элиза стояла рядом с Клиффордом и разглядывала собравшихся. За группой британских болельщиков рука об руку стояли мужчина и высокая женщина. Встретившись

взглядом с Элизой, женщина улыбнулась. Клиффорд тут же шепнул Элизе на ухо, что это Дотти Хопкинс, жена врача.

– Позже познакомишься с ними обоими, – прибавил он. – Хорошие люди.

Женщина казалась дружелюбной, и Элиза поразилась, что их представят друг другу.

С другой стороны собиралась большая шумная компания индийских болельщиков. Тех тоже сопровождала толпа слуг в парадной одежде. Теперь Элиза не сводила глаз с них.

– Поло известно как спорт князей, но нынешний правитель, Аниш, редко появляется на матчах, – между тем рассказывал Клиффорд. – А вот на принца Джайанта посмотреть стоит. Прекрасный наездник и отличный командный игрок. Если он сегодня выйдет на поле, игра предстоит непростая.

– И часто устраивают такие матчи?

– Большие игры проводятся в рамках ежегодного турнира, но это просто товарищеский матч, исключительно забавы ради. Самая блестящая репутация в этом смысле у Джайпура. В этом году их команда выиграла чемпионат Индии, но и Джурайпур ненамного отстает.

– Это замечательно.

– Мы надеемся одержать верх. Честь родного флага и все в таком духе.

Вскоре после этого на поле вышли игроки, все в нарядной форме и с идеально прямыми спинами. Конюхи с гордым ви-

дом вывели пони. Толпа захлопала. Клиффорд быстро объяснил Элизе, что на самом деле это, конечно же, не пони, а обычные лошади.

– Поло – очень дорогой спорт. Пони стоят тысячи фунтов.

Члены команд сели в седла. Все они выглядели весьма внушительно. Тут Элиза заметила среди них принца Джайанта. Он как раз садился на великолепного черного коня. Толпа издавала восторженные вопли, индийские болельщики поддерживали свою команду веселыми криками и свистом.

Клиффорд придвинулся ближе к Элизе.

– Принц Джайант всегда собирает толпу. Кстати, у его коня идеальный темперамент. В поло очень важно, чтобы животное попало не слишком легковозбудимое. Видишь тех двоих?

Элиза взглянула туда, куда он указывал.

– Это судьи. Рефери тоже есть – на случай, если возникнет спор. Поло – честный спорт.

Пока что Элиза отлично проводила время. Она радовалась возможности побыть на свежем воздухе и, хотя шла сюда неохотно, наслаждалась новизной происходящего. Две команды с клюшками наготове выстроились друг напротив друга, судья выкатил мяч в центр поля, и вот игра началась. Зрители напряженно следили за происходящим. Над утрамбованной землей поднимались клубы пыли, лошади с топотом носились по полю. Но во время схватки за мяч стало за-

метно, что конь принца почему-то пятится.

– Так и должно быть? – уточнила Элиза.

Клиффорд нахмурился.

– Видно, лошадь сегодня в шаловливом настроении.

Элиза продолжала наблюдать за наездниками, а потом посмотрела на толпу индийских болельщиков. Тут она заметила, что два человека в форме, с изогнутыми саблями на поясе шагнули вперед, будто ожидая неприятностей. Элиза затаила дыхание, но ничего не произошло: игра продолжалась как ни в чем не бывало. Элиза следила за матчем как завороженная и почти не слушала Клиффорда, объяснявшего ей правила игры в поло и значение различных терминов.

Но всего через несколько минут Элиза заметила: с конем принца что-то не так.

– Боже мой! – воскликнул Клиффорд.

Конь принялся беспорядочно бегать рысцей туда-сюда. Он явно не подчинялся всаднику, а потом и вовсе принялся брыкаться.

На лице принца Джайанта отразились смешанные чувства, и все же Элиза заметила, что удивление оказалось сильнее раздражения. И британцы, и индийцы отреагировали обеспокоенным ропотом. Потом раздались громкие крики: седло Джайанта соскользнуло набок, и уже через несколько секунд он лежал на земле, а его конь носился по полю как одержимый. Остальные игроки застыли, будто статуи. Все с ужасом наблюдали, как два конюха ловили обезумевшего ко-

ня. Элиза затаила дыхание и крепко сжала руку Клиффорда. Конь рванулся в сторону индийских болельщиков. Одни испуганно кричали и махали руками, другие сразу кинулись врассыпную. Вдруг раздался пронзительный вопль – и женщина отлетела в сторону, врезавшись спиной в ограду. Конь взбрыкивал снова и снова. Всех обуял страх, люди спасались бегством, а пострадавшая женщина сползла на землю и лежала без движения.

Вот врач, на которого указывал Клиффорд, кинулся к раненой и склонился над ней, потом опустился рядом на корточки.

Когда конюхи наконец поймали и успокоили перепуганного коня, прибежали двое мужчин с холщовыми носилками, и женщину унесли прочь. Доктор ушел следом. В это время принц поднялся на ноги и отряхнулся. Судя по всему, он не пострадал, однако готов был рвать и метать от ярости. Затем он вслед за своим конем покинул поле. Двое мужчин с кривыми саблями на поясе последовали за ним. Элиза догадалась, что это его телохранители.

Как фотограф Элиза привыкла обращать внимание на мелкие детали, поэтому сразу заметила индийца, выходящего из конюшни. Должно быть, он там работал, хотя смущало то, что он не столько вышел из конюшни, сколько выскользнул оттуда. Обогнув собравшуюся толпу, он приблизился к еще одному мужчине. Тот был высоким, с горделивой осанкой. Второй мужчина с широкой улыбкой хлопнул

конюха по спине. Элизе такое поведение показалось странным: ведь принц только что упал с коня!

Но нашлись еще люди, которым общая напряженная атмосфера ничуть не портила настроение: двое британских болельщиков переглядывались, посмеивались и подмигивали друг другу.

– Что за дураки! Нашли над чем потешаться! – возмутилась Элиза. – Вдруг та женщина погибла?

– Скоро Джулиан Хопкинс обо всем мне доложит, – ответил Клиффорд.

В это время британцы продолжали невозмутимо переговариваться между собой. Видимо, ужасное происшествие глубоко их не задело. Расходиться никто не собирался. Зато индийские болельщики качали головами и что-то бормотали себе под нос. Несколько человек развернулись и зашагали прочь.

– Выходит, сегодня матч не состоится, – произнесла Элиза, уверенная, что игру придется отменить.

– Нет, – покачал головой Клиффорд. – Смотрите, на поле уже выходит запасной игрок. Он заменит принца. В случае травмы это допустимо.

– Серьезно? Это как-то не по-человечески.

– Народ требует зрелищ, Элиза.

Глядя по сторонам, она заметила, что встревоженная толпа постепенно успокаивается. Оставалось надеяться, что женщина выживет.

– Но, вообще-то, происшествие странное, – прибавил Клиффорд. – Очень странное. В жизни ничего подобного не видел. Впрочем, теперь у нас появились хорошие шансы на победу. Что ж, нет худа без добра. Сомневаюсь, что после такого принц сядет на другого коня.

Глава 3

На следующий день Элиза и Джайант Сингх покинули мраморные коридоры дворца и зашагали через дворики, выложенные резным розовым песчаником, сиявшим и переливавшимся в лучах утреннего солнца. Потом они прошли через смежные павильоны и оказались среди благоухающих садов, где ощущалось дуновение прохладного ветерка. Хотя у Элизы не шел из головы матч поло, что-то в окружающем великолепии заставило ее выпрямить спину, поднять голову и шагать вперед с гордостью. Элиза набросила на голову шарф, и теперь он развевался у нее за спиной. Казалось бы, мелочь, но Элиза сразу почувствовала себя более женственной: будто она примерила на себя роль индийской принцессы.

– Такое чувство, будто здесь все из сандала, а не из песчаника, – заметила Элиза, когда они вошли в сад, разбитый по образцу английского парка. По стене прохаживались виновники вчерашнего ночного шума: настоящие павлины! Когда один из них спрыгнул со стены и тяжело спикировал на землю, Элиза рассмеялась. Кто бы мог подумать, что эти красавцы такие неуклюжие?

– Этот сад разбили в восемнадцатом веке, – прокомментировал принц, обводя широким жестом кусты роз, кипарисы, пальмы и апельсиновые деревья.

Чтобы выйти из дворца, они прошли через аркаду, состоявшую из семи сводчатых ворот. Когда проходили через одни из них, Элиза заметила на боковой стене пять рядов скульптурных ладоней.

– Они выполнены по отпечаткам ладоней *сати*, – произнес ничуть не смутившийся принц. – На пути к погребальному костру женщины опускали руку в красный порошок и прижимали к стене, чтобы таким образом выразить свою преданность супругу. Позже по этим отпечаткам делали каменные ладони.

Элиза ахнула:

– Какой ужас!

– Мы называем сати вдов, восходивших на погребальный костер, а вы, британцы, дали название сати самому обряду. В Британской Индии он вне закона с тысяча восемьсот двадцать девятого года, а потом этот запрет распространился и на княжества. В тысяча восемьсот шестьдесят первом году королева Виктория запретила сожжение вдов во всей Индии. Но все же...

Элиза знала о ритуальном жертвоприношении вдов раджпутских принцев, да и обычных женщин тоже, но сама мысль внушала ужас и отвращение. Неужели правда считалось, что вместе с умершим непременно нужно сжечь его вдову? Невозможно вообразить, что чувствовали эти женщины.

Элиза смотрела на песчаные улочки средневекового горо-

да. Их уже заполонили ремесленники и торговцы со своими разнообразными товарами. Элиза вспомнила, как в первый раз увидела массивные стены с бастиянами и башнями. Она оглянулась на крепость. На вершине каменистого холма она выглядела неприступной. Стены явно построили из камня, вырубленного из того же холма, на котором им предстояло возвышаться. Кто знает, сколько женщин внутри этой крепости окончили жизнь в огне?

Элиза и принц Джайант сели в машину, и вскоре город остался позади. Элиза смотрела на проносившуюся мимо пустыню. Порывы ветра поднимали в воздух тучи раскаленного песка. Миля за милей тянулись плоские равнины. Дорога вилась лентой среди опаленных солнцем пейзажей. Лишь кое-где редкие акации и терновые кусты перемежались пышными зелеными оазисами. Вокруг было пусто и безлюдно. Джайант Сингх молчал: его внимание поглотила сложная езда по едва различимым дорогам. Элиза понимала, что его молчание – не проявление грубости. Однако мужчину, заполняющего собой столько пространства – и в прямом, и в переносном смысле, – в любом случае трудно игнорировать. Элиза ощущала в нем какую-то дикую необузданность. Из-за этого она чувствовала себя не в своей тарелке. Она неловко попыталась завести разговор, однако его резкие ответы в конце концов вынудили ее сдаться, и Элиза снова предалась раздумьям. Но стоило ей погрузиться в прекрасную грезу о дворцах, садах и качающихся на ветках обезьянах,

как Джайант нарушил молчание, именно в тот момент, когда перед мысленным взором Элизы уже почти возникло лицо папы.

– Мое седло было испорчено, – сообщил принц. При звуке его бархатистого голоса с легкой хрипотцой Элиза вздрогнула и спустилась с небес на землю. – Вчера я видел вас на матче поло. Наверняка вам интересно, что произошло.

– Меня очень расстроил этот инцидент. Почему вы думаете, что ваше седло испортили?

– Подпруга лопнула. Я проверял ее накануне, но перед игрой не успел осмотреть седло. Подпруга – самая уязвимая часть сбруи. Надо было все-таки не полениться и еще раз ее проверить.

– Лошадь из-за этого взбрыкнула?

– Нет, конь взбесился из-за шипов акации, которые какой-то недоумок подсунул под седло.

– О боже! Выходит, ваш несчастный случай действительно кто-то подстроил.

Элиза вспомнила о двух индийцах, которые подозрительно себя вели.

– Вы могли погибнуть!

Принц улыбнулся:

– Ну, погибнуть – это вряд ли. Скорее – что-нибудь себе сломать. Но как видите, я цел и невредим. Однако мой конь и впрямь мог убиться, а этого я не прощу. Ну а что касается той бедной женщины...

– Как она?

– По-моему, у нее сотрясение мозга. Могло быть и хуже.

– Возмутительно! В голове не укладывается, что кто-то подстроил нечто подобное нарочно.

Принц Джайант мрачно произнес:

– Глупая ребячливая выходка, и больше ничего. Мой конь красавец, к тому же выносливый, проворный и быстрый. То, что с ним так поступили, выводит меня из себя, к тому же в толпе могла начаться давка – кто знает, чем бы закончилось дело? Те, кто это сделал, позорят поло.

– Как вы намерены поступить?

– Я пожаловался Клиффорду Салтеру и обратился в комитет по проведению матчей, однако виновный неизвестен. Я кое-кого подозреваю, но эта пестрая компания была у нас проездом и уже отправилась дальше.

Элиза не стала рассказывать о двух смеявшихся индийцах. Хотя на матче Джайант пришел в ярость, с тех пор он, видимо, нашел в себе силы отнестись к произошедшему философски.

– Мисс Фрейзер, чем вызван ваш интерес к нам?

– Я просто исполняю свою работу, и вы это прекрасно знаете.

– Странно, что мистер Салтер выбрал никому не известную женщину.

Элиза ощетибилась.

– Я не настолько «никому не известная», как вам кажется.

Повисла пауза. Элиза молча кипела возмущением.

– Дорога займет несколько дней, – сообщил Джайант, беспардонно прервав поток ее мыслей.

– Что же вы меня раньше не предупредили? Я взяла с собой всего один запасной комплект одежды.

– Я тоже.

– Вы что, не моетесь?

Принц рассмеялся:

– Любимый вопрос европейцев! Сегодня мы заночуем под открытым небом, завтра тоже. А мыться тут негде.

– Я не в этом смысле. – Элиза была уверена: принц отлично понял, что она имела в виду. Но сейчас ей было не до того. – Где, вы сказали, мы будем ночевать?

– Здесь, в пустыне. Но не беспокойтесь, вы будете не одна, о вас позаботится служанка. Она едет за нами вместе с остальными слугами.

– А где мы будем спать?

– Все уже подготовлено. Несколько человек выехали вперед, чтобы заранее разбить лагерь. Ярмарка на реке Чандрабхага проводится каждый год в Джалаваре в индуистском месяце картика. В этом штате британское влияние почти не ощущается, поэтому моя мать рассудила, что вам будет интересно там побывать.

– А где вы будете заправлять машину?

Принц убрал одну руку с руля и обвел широким жестом пустыню.

– Сначала здесь, потом там... По всему маршруту устроены «заправки». Все предусмотрено.

– Вы всегда так далеко ездите за верблюдами?

– Проницательный вопрос. Нет, обычно мы покупаем их в Пушкаре или Нагауре.

– Тогда почему сейчас отправились в Джалавар?

– У меня там дело. К тому же во время ярмарки на берегах священной реки Чандрабхага собираются паломники. Полюбуетесь на крепости, дворцы, дикую природу и тихое озеро, возле которого стоит наш летний дворец. Нам его завещал родственник. Там и остановимся. А еще вы, возможно, захотите посетить древний город колоколов.

– Я вам не туристка. Я хочу фотографировать людей, – с раздражением ответила Элиза. – Именно такое задание дал мне вице-король. Никаких любительских снимков. Мы собираем архив для Нью-Дели. Клиффорд сказал, что по фотографиям будут сравнивать жизнь в княжествах с жизнью в Британской Индии.

– Надо думать, не в нашу пользу.

Элиза заняла оборонительную позицию.

– Ошибаетесь. К тому же надеюсь, что мне удастся организовать собственную небольшую выставку. Если, конечно, найду спонсоров.

– Будьте осторожны. Чатур наверняка подумает, что вы шпионка. – Принц рассмеялся. – А может, это правда?

Элиза едва сдерживала возмущение.

– Скажете тоже! И кто такой Чатур?

– *Деван*¹¹. Он руководит всем во дворце.

Элиза промолчала.

– На ярмарке соберутся торговцы из дальних регионов Раджпутаны, Мадхья-Прадеша и Махараштры. Так что на разных людей тоже посмотритесь.

– И познакомлюсь с Индирой?

– Совершенно верно.

– Не хотите рассказать мне о ней?

– Лучше сами все увидите. Кстати, беру обратно свои слова по поводу ваших волос. На солнце они у вас рыжеватые или даже золотистые. У верблюдов таких не бывает.

– Это медовый оттенок, – буркнула себе под нос Элиза, но невольно улыбнулась.

Они проехали мимо нескольких поселений. Хижины теснились вокруг колодцев. Время от времени на пути попадались деревни, где крестьяне выращивали кукурузу, чечевицу и просо. Когда они ехали мимо стад коз, овец и даже верблюдов, которые паслись среди сочной травы, принц снова нарушил молчание.

Он указал на землю за окном машины.

– Там, где растут такие травы – *химп*¹² или *акаро*, – глу-

¹¹ *Деван* – влиятельный правительственный чиновник, министр или управитель.

¹² *Химп* (*Leptadenia pyrotechnica*) – пустынная трава, обладающая высокой засухоустойчивостью.

боко под землей есть запасы воды, иногда они просто огромные. Но они могут скрываться на глубине более трехсот футов.

– Полагаю, бурение слишком дорого обойдется.

Джайант кивнул:

– Некоторые женщины каждый день проходят по несколько миль, чтобы добраться до больших баков и резервуаров с водой. Меня очень беспокоит проблема воды. Мы зависим от сезона дождей, только благодаря муссонам мы наполняем резервуары, но в этом году осадков выпало мало, и в прошлом тоже. Жизнь в этих местах бывает очень суровой. Пустыню нельзя покорить, можно только стараться не нарушать ее гармонию.

– Вода мне понадобится для проявки фотографий.

– Вот это вас и погубит.

Вечером Элиза и принц сидели у костра, скрестив ноги. Их окружали величавые мужчины в ярких тюрбанах с узорами. В воздухе веяло приятной прохладой. Легкий ветерок доносил до них запахи песка и пыли. Они смешивались с ароматами специй вокруг котелка, висевшего над огнем. Элиза удивилась, что эти люди приняли ее в свой круг, но потом сообразила: она ведь с Джайантом. Принц протянул ей высокий стакан молока. В подрагивающем свете огня кожа Джайанта сияла янтарным блеском.

– Это верблюжье молоко, – пояснил принц. – Очень питательное, но быстро скисает, поэтому пить его надо сразу.

Из него никогда не делают сыр.

Элиза отпила глоток и согласилась, что молоко и впрямь хорошее.

– Только ни в коем случае не пейте *ашу*.

– А что это?

Принц рассмеялся:

– Алкогольный напиток, очень крепкий. Мигом будете в отключке. Говорю на основании личного опыта.

Один из мужчин играл на какой-то разновидности барабана, другой тихо звенел молитвенными колокольчиками, дым от костра поднимался к небу, а Элиза, как замороженная, любовалась этой застывшей во времени сценой. Служанка, сидевшая рядом с ней, будет спать в ее шатре, и хотя Элиза слегка нервничала – провести ночь в пустыне среди стольких мужчин! – но угрозы не ощущала.

На следующее утро, после неожиданно холодной ночи, проведенной на одной из двух традиционных плетеных кроватей – *чарной*, – установленных в шатре, Элизу разбудило серебристое рассветное сияние и звуки голосов. Она потянулась, собираясь подольше насладиться этим моментом, но ароматы еды оказались слишком соблазнительными. У Элизы сразу разыгрался аппетит, к тому же служанка уже встала. Даже не вспомнив про умывание, Элиза быстро оделась и вышла из палатки. Прошло всего несколько минут, но свет уже изменился. Элизу встретило невообразимо прекрасное утро.

На горизонте небо окрасилось насыщенно-розовым, постепенно переходящим в светло-персиковый. Не было ни облачка. Нежный, мягкий свет озарял плоскую равнину, раскинувшуюся на много миль. Элизе казалось, что пустыня тянется бесконечно. Она заметила навес, должно быть установленный пастухом в качестве временного пристанища. В землю были воткнуты шесты, сверху от солнца защищал натянутый брезент. Вокруг толпились десятки коз. Животные грызли жалкие кустики. «Видно, у кочевой жизни есть свои преимущества, но как же, наверное, одиноко бывает вдали от людей», – подумала Элиза.

Она была приятно удивлена, когда принц Джайант встретил ее улыбкой. Его гордое лицо чуть смягчилось. Он показал ей, где состоится завтрак. Но изменилось не только выражение лица Джайанта. Здесь он стал совсем другим, и тут Элиза поняла, что этот человек чувствует себя легко и непринужденно под открытым небом, будто он рожден для вольной жизни. На Джайанте были брюки европейского кроя и свободная темно-зеленая рубашка с расстегнутым воротом. Элиза решила, что чуть позже попросит разрешения сфотографировать принца.

Во время сытного завтрака, состоявшего из дала и риса, приготовленных на огне одним из мужчин, Джайант безо всяких церемоний смеялся и шутил вместе со всеми. Его явно любили. Элиза заметила веселые морщинки в уголках его глаз. А еще она обратила внимание, что благодаря щетине

на подбородке принц стал выглядеть проще: он больше не казался неприступным.

– Часто ночуете под открытым небом? – поинтересовалась Элиза.

– При любом удобном случае. Для меня это возможность сбежать.

– У вас есть потребность сбежать?

– Разве у кого-то ее нет?

Элиза поняла, как он прав. Сегодня принц будто превратился в другого человека.

– Вы держитесь так просто. Все больше убеждаюсь, что вы не обычный принц, верно?

Джайант кивнул:

– Может, и так, но от своего происхождения не отмахнешься.

– Увы, это правда.

– Очень советую вам посетить Удайпур в начале сезона дождей. Лучшее место, чтобы полюбоваться набегаящими темными тучами. Удайпур – город озер.

– Я слышала.

– Может быть, отвезу вас туда пофотографировать, – произнес Джайант. – Одно из самых красивых мест в Раджпутане.

Когда они подъехали к лесистым предгорьям горного хребта Аравали, Элиза заметила свободно бродивших ниль-

гау¹³ и напряженно застыла.

Джайант рассмеялся:

– Не бойтесь, мисс Фрейзер. К нам они не подойдут. Животные давно привыкли к торговым караванам. Люди путешествуют этими дорогами с древних времен. Наше княжество – часть старого торгового маршрута, пересекавшего пустыню. По нему доставляли товары из далеких земель, а мы взамен продавали сандаловое дерево, медь, верблюдов и драгоценные камни.

– Интересно было бы перенестись в прошлое и посмотреть.

– Времена были опасные, штаты постоянно воевали друг с другом. А в этих местах и сейчас жизнь суровая.

Элиза заметила на каменистом выступе стаю стервятников.

Принц усмехнулся:

– Теперь понимаете, о чем я? В ту эпоху оставалось только надеяться, что не заболеешь, иначе тебе конец.

– Да, пожалуй, мне повезло, что я живу сейчас, а не тогда.

– Несомненно. Но посмотрите на этот красивый пейзаж. Горы тянутся на много миль. Из растений здесь в основном можно встретить кусты тропического терновника, а также лиственные и тиковые деревья. Но меня беспокоит проблема обезлесения.

¹³ *Нильгау* – парнокопытное животное семейства полорогих, крупнейшая в Азии антилопа.

– Эта угроза реальна?

– Более чем. Процесс уже начался.

Чем дольше они говорили про жизнь в Раджпутане, тем непринужденнее держался принц. Он явно любил родную землю и, несмотря на британское образование, именно здесь чувствовал себя как рыба в воде. От вчерашней неловкой атмосферы не осталось и следа, и к концу второго дня Элиза чувствовала себя в обществе принца вполне комфортно.

Когда они уже приближались к ярмарке, Элиза заметила мужчину с длинными, закрученными на концах усами и проникающим в самую душу взглядом. Мужчина вел в поводу верблюда, верхом на котором боком сидела женщина. Ее красная *дупатта* развевалась на ветру, однако закрывала лицо и волосы. На лодыжках позвякивали браслеты. К боку женщины прижимался малыш с черными, стоявшими торчком волосиками. Яркие цвета одежды эффектно контрастировали с пронзительной голубизной неба.

– Остановите машину, пожалуйста, – попросила Элиза. – Я должна их сфотографировать.

Жаль только, что на черно-белых снимках не будет видно потрясающего богатства красок.

– Сначала попросите у этого человека разрешения, – предупредил Джайант и нажал на тормоз. – Мне говорили, хинди вы знаете. Хотя не представляю откуда.

– В детстве жила в Дели.

– Нет, погодите, – вдруг произнес Джайант, когда Элиза уже открыла дверцу машины. – Лучше я спрошу. Здесь говорят на другом диалекте.

Принц Джайант вылез из автомобиля. Во время разговора и он, и мужчина с усами улыбались. Потом Джайант протянул ему несколько монет и вернулся к автомобилю.

– Все в порядке, – просто сказал он.

Элиза сделала снимок своей камерой «Роллейфлекс», надеясь, что сумела запечатлеть выражение лица мужчины.

Когда они ехали дальше по берегу озера, потревожили крупных белых птиц с невероятно большими клювами. Они одновременно взлетели над поверхностью воды. Элиза залюбовалась широким размахом крыльев и красивыми черными перьями на их кончиках.

– Просто дух захватывает!

– Это пеликаны, – пояснил Джайант. – Неужели вы их раньше не видели?

– В Котсуолдсе пеликана встретить затруднительно, – ответила Элиза.

Принц улыбнулся.

– Уровень воды ниже, чем следовало бы, – заметил он, глядя на озеро.

На подъезде к ярмарке Элиза ахнула при виде сотен верблюдов, заполонивших равнину. Мужчины сидели маленькими группами у дымящихся костров. Когда принц остановил машину и Элиза вышла, запах дыма и навоза едва не

сбил ее с ног. Она думала, что будет очень выделяться, но ярмарка кишмя кишела народом, и на англичанку никто не обращал внимания.

– Не стойте позади верблюда, – с усмешкой предупредил Джайант, отводя ее в сторону. – У них частенько отходят газы. И вообще, они звери с характером.

По другую сторону узкой дорожки Элиза увидела крупный рогатый скот, коз и лошадей.

– А я думала, здесь только верблюдов продают. Не представляю, как в такой сутолоке покупатели находят то, что им нужно.

– Разные верблюды обладают разными качествами. Если знать, чего ищешь, задача нетрудная.

– А что ищете вы?

Принц усмехнулся и после паузы ответил:

– Чтобы это понять, потребуется целая жизнь. А чтобы объяснить – еще одна.

Элиза испытующе посмотрела на него. В этом человеке было что-то от философа. Когда она снова перевела взгляд на животных, ей бросилось в глаза, что на ярмарке представлены верблюды разных размеров и цветов. Элиза поделилась этим наблюдением с принцем.

– Разве у людей не так? Есть сильные и выносливые породы, а есть изящные и утонченные. Но давайте найдем Индиру.

Элиза старалась держаться поближе к принцу. Она ломала

голову, как к нему обращаться. Он упорно называл ее «мисс Фрейзер», и от этого Элиза чувствовала себя неловко. Пока ей удавалось избегать всяких обращений, но наконец она решилась спросить у него напрямую.

– Просто Джай, – ответил тот. – Меня все так зовут. – (Элиза нахмурилась.) – Ну хорошо, не все, но вам можно.

– Это как-то слишком неформально.

– Не думал, что вы консервативны. Во всяком случае, ма-нера одеваться у вас достаточно неформальная. Даже, пожалуй, нарочито небрежная.

Принц внимательно глядел на нее, и Элиза с раздражением осознала, что ее выводит из себя его пронизательность.

– Вы ведете себя не...

– Не по-британски? Ну так я и не британец, хотя в Итоне меня пытались превратить в одного из вас.

– Значит, вот как там построено обучение?

– Естественно, а как же иначе?

Элиза опустила взгляд, потом снова подняла голову. Увы, прошлое способно бросить тень даже на самый солнечный день.

– Кстати, по документам я миссис Кавендиш. Но для работы пользуюсь девичьей фамилией – Фрейзер.

Джай бросил взгляд на ее безымянный палец.

Элизу потрясла смерть Оливера, но она бы слукавила, сказав, что потеряла свою любовь. Хотя, учитывая обстоятельства, ничего удивительного. А вот гибель отца поразила Эли-

зу, как нож в сердце. Рана оказалась настолько глубока, что девочка никак не могла прийти в себя. Не ела, не спала, несколько месяцев даже не разговаривала. А осознание того, что в случившемся есть и ее вина, заставляло ее мучиться от ужасных ночных кошмаров.

– Я вдова, – пояснила Элиза.

Джай вскинул брови.

– Я свой статус не скрываю. Просто к слову не пришлось.

– Пусть эта информация останется между нами. Здесь люди до сих пор верят, что вдовы приносят несчастье, а слухи имеют свойство распространяться быстро.

– Наверное, мне все же следует рассказать Лакшми. Она ко мне так добра! Не хотелось бы, чтобы она узнала об этом от кого-то другого и решила, что я обманом втерлась к ней в доверие.

Но принц покачал головой:

– Многие считают: если женщина пережила мужа, она плохо о нем заботилась, и вообще, виной всему ее плохая карма.

– Спасибо, утешили.

– Люди ждут от вдовы покаяния за грех. Вдова питается одним рисом и больше никогда не выходит замуж, хотя закон не запрещает повторные браки. Знаю, взгляды устаревшие, но вам они могут сильно осложнить жизнь. А еще вдовы одеваются во все белое и бреют голову наголо, – с усмешкой закончил принц.

– Я думала, эти традиции уже отмирают.

Принц опустил голову и пожал плечами: похоже, таким образом он выражал несогласие.

– Британцы и сати объявили вне закона, но обряд по-прежнему проводится. От старых привычек трудно избавиться, мисс... то есть миссис Кавендиш.

– Лучше просто Элиза.

Джай кивнул.

Тут мимо Элизы пробежала девушка. Остановившись рядом с Джаем, она приветствовала его демонстративным поклоном, но затем рассмеялась. Девушка была настолько миниатюрна, что поначалу Элиза приняла ее за ребенка и подумала, что перед ней одна из родственниц Джая. Но потом Элиза разглядела лицо девушки: ее кожа была светлее, чем у принца. Девушка отличалась такой удивительной красотой, что Элиза не могла отвести от нее глаз. Заплетенные в свободную косу длинные волосы спадали до пояса. Глаза у девушки были восхитительного оттенка зеленого, чем-то похожего на серо-зеленый цвет глаз Элизы, только гораздо более насыщенного. Если глаза Элизы можно было сравнить с тихими, спокойными английскими прудами, то у этой девушки они искрились и сверкали на солнце, будто изумруды. Она смеялась и весело болтала с Джаем. Девушка была вся увешана украшениями: кольцо в носу, браслеты, ожерелья. Через некоторое время Джай взял незнакомку за руку и с широкой улыбкой подвел ее к Элизе.

– Индира, это Элиза, – представил он. – Для тебя – мисс Фрейзер. Элиза, позвольте представить Индиру.

– Namaskār, – произнесла девушка и прижала к груди сложенные ладони.

Тут вмешался Джай:

– Индира обучалась во дворце и хорошо говорит по-английски. Не дайте ей ввести вас в заблуждение.

К вечеру Джай отвез их в летний дворец у озера. Элиза ожидала увидеть нечто великолепное, но здание оказалось в запущенном состоянии: стены внутри облупились, а снаружи крошились. Джай сказал, что владеет таким же обветшалым дворцом в Джурайпуре, но собирается восстановить его к тому моменту, когда заведет свою семью.

– Называется Шубхарамбх-Багх.

Элиза знала, что «багх» означает «сад», особенно тот, в котором растут фруктовые деревья, а слово «шубхарамбх» можно перевести как «благоприятное начало».

– Там можно очень красиво все устроить, – продолжил Джай. – Но я бы хотел, чтобы вы запечатлели дворец таким, какой он есть.

Элиза согласно кивнула.

Когда он водил ее по пыльным синим коридорам со сводчатыми потолками, Элизу привели в восторг решетки поразительно тонкой работы с узором в виде высокой вазы и поднимавшихся над ней листьев.

– Это *джали*, – пояснил принц. – Раньше здесь находилась женская половина дворца. Подобные решетки позволяли женщинам выглядывать наружу так, чтобы их самих не было видно.

Первой мыслью Элизы было: уж кто-кто, а Индира точно не позволит прятать себя за решеткой. Наоборот, она бодро шагала впереди и время от времени по-хозяйски брала Джая за локоть. «Да, Индира отнюдь не скромница», – заключила Элиза. Неужели она показывает вновь прибывшей, что Джай уже «занят»? Индира дотрагивалась до принца без малейшего смущения. Что, если эти двое любовники, или Индира – кто-то вроде наложницы? А может, их близость объясняется тем, что они друг другу как брат и сестра? Потом Элиза вспомнила слова Лакшми о том, что Индира очень талантливая художница-миниатюристка.

– Мы редко здесь бываем, – между тем рассказывал Джай. – Поэтому, раз уж мы здесь, по просьбе брата встречусь с потенциальным покупателем. Нам бы не помешали лишние средства. Но брат не любит путешествовать сам.

– Похоже, у вас повсюду дворцы.

– У меня дворец всего один, остальные принадлежат моей семье. Вам наверняка понравится моя крытая галерея с арками. Хотя, пожалуй, я преувеличиваю: на самом деле это всего лишь терраса. Полы из белого мрамора, но сейчас он, увы, совсем раскрошился. – Джай вздохнул. – Сколько всего еще предстоит сделать!

– Должно быть, ваш дворец очень красив.

– Мне необходимо много света и воздуха, чтобы было чем дышать. В нашем главном дворце с его лабиринтами коридоров и темными лестницами на подобную роскошь рассчитывать не приходится. В этом смысле я сторонник английской традиции.

На крыше террасы кто-то заранее разложил большие подушки и зажег факелы. Вокруг стояли ширмы с полупрозрачными занавесками. Все трое удобно расположились на подушках. Две девушки принесли подносы с богатым угощением: фруктами, далом, рисом и мясными закусками. В небе сияли звезды, ароматы ночи примешивались к запахам еды и разогретых человеческих тел. Элизу глубоко волновала удивительная, неземная магия этого вечера. Она смотрела в звездное небо. Казалось, ночью оно сияло еще ярче, чем днем. Легкий ветерок покачивал занавески. Элизе так хотелось остаться здесь, что ей пришлось напомнить себе: она приехала для того, чтобы запечатлеть Индию, а не для того, чтобы подпадать под чары этой страны. Неистовые песчаные бури способны разрушить всю эту романтику всего за секунду, и тогда пустыня станет землей смерти. И хотя пульс жизни силен, за порогом всегда подстерегает опасность. Ничего удивительного, что индуисты верят, что нынешняя жизнь – лишь этап на пути к единению со Вселенной. Тут Индира запела печальную лирическую песню. Исполнение тронуло Элизу так глубоко, что она невольно позавидовала этой де-

вушке, у которой столько талантов.

Глава 4

– Жаль, что не представилось возможности пообщаться во время матча поло, но я очень рада знакомству с вами, – произнесла высокая темноволосая женщина и протянула Элизе руку. Ее ярко-голубые глаза светились дружелюбием. – Меня зовут Дотти. Дотти Хопкинс.

Элиза пришла на коктейльную вечеринку, устроенную на вилле Клиффорда в фешенебельном районе города. Гостей было немного, и все британцы. Как и ожидала Элиза, дом оказался элегантным и полным света. Широкие раздвижные двери были открыты, и через них внутрь проникал аромат свежескошенной травы и смешивался с запахом сигарного дыма. Если бы не жара, создавалось бы полное впечатление, что Элиза находится в британском загородном доме в летний день.

– Хорошо, что ваш муж помог той бедной женщине, – произнесла Элиза.

– Да. Ужасное происшествие! Ей повезло, могло быть намного хуже. Вы остались на матче до конца?

– Да, но когда матч закончился, Клиффорду надо было бежать, поэтому я тоже ушла.

– Ну конечно, он должен был разобраться, что случилось. Мой муж говорит, что не обошлось без неспортивных уловок. Впрочем, шумиха уже улеглась. Подозревают, что в деле

замешаны те британские бездельники. Как бы там ни было, Клиффорд не хочет раздувать эту историю: вдруг виновник действительно кто-то из наших?

Элиза вспомнила все, что видела. Скорее всего, эти эпизоды ничего не значат, но на всякий случай во дворце следует держать ухо востро.

– Надеюсь, мы с вами станем добрыми друзьями. Мы живем по соседству. – Дотти чуть улыбнулась. – Если что, не стесняйтесь, приходите.

– Да, – ответила Элиза и тепло улыбнулась в ответ.

На вид Дотти было за тридцать, ближе к сорока. У нее были добрые глаза и твердое рукопожатие.

– Клиффорд столько о вас рассказывал!

– Правда? – удивилась Элиза.

– Я вами восхищаюсь. Ни за что бы не отважилась поехать в Индию одна! Я даже не знала, что бывают женщины-фотографы. Как вы попали в эту профессию?

Элиза улыбнулась:

– Мы с Оливером, моим покойным мужем, ездили в медовый месяц в Париж и там посетили несколько выставок.

– Соболезную вашей утрате.

– Спасибо... Так вот, одна из выставок была посвящена фотографии. Одна женщина-фотограф рассказывала о своей работе, и я сразу почувствовала – это мое! Я просто влюбилась в фотографию. Оливер это заметил и в качестве свадебного подарка купил мне мою первую камеру. Так что нача-

лом карьеры я обязана ему, хотя мне еще многому предстоит научиться. Как бы там ни было, надеюсь, что справлюсь с полученным заданием.

Дотти улыбнулась:

– Ну конечно, справитесь.

Элиза промолчала, лишь кивнула в ответ.

– Вижу, смелости вам не занимать. Ну, рассказывайте, как оно там. Мне очень любопытно.

– Там – то есть во дворце?

– Мы здесь недавно, однако я уже несколько раз там побывала – правда, всего лишь в качестве гостыи. Нас приглашают, когда во дворце устраивают *дурбар*¹⁴ или что-то в этом роде. До чего же, наверное, интересно там жить!

– Я пока мало что видела и ничего особенного рассказать не могу. Но все ко мне очень добры.

– Клиффорд для вас что угодно сделает. На него всегда можно рассчитывать. Когда мы с Джулианом только приехали, он нам очень помог: и слуг нашел, и... – Тут Дотти осеклась и состроила гримасу. – Вас уже представили махарани?

– Супруге князя?

Дотти кивнула:

– Ее зовут Прия.

– Пока нет.

– О ней ходит много слухов, и, если они не врут, будьте

¹⁴ *Дурбар* – слово употребляется в двух значениях: «совет знати при монархе» и «торжественный прием».

осторожны. С человеком по имени Чатур тоже лучше не ссориться. Слышала, он управляет всем дворцом.

– Вот как?

Тут Элиза вспомнила, что Джайант упоминал этого человека.

– Клиффорд прекрасно исполняет свою работу и, если хотите знать мое мнение, терпение у него как у святого, но с этим Чатуром у бедняги одни проблемы. Упрям, приказам не подчиняется, ненавидит британцев. Классический местный типаж.

Они подошли к окну, возле которого стоял стол с канапе и кувшинами фруктового пунша. Дотти наполнила два бокала и взяла тарелку с канапе.

– Будете креветки?

Элиза с сомнением посмотрела на них.

– Не бойтесь, они хорошие. Правда, консервированные. Свежих вы здесь не найдете: мы слишком далеко от моря. Время от времени вам будут предлагать баранину, но на самом деле это мясо коз. Во дворце советую есть только вегетарианскую пищу. Поверьте моему опыту – вернее, опыту моего мужа: сколько расстроенных британских желудков ему приходится лечить!

– Спасибо, но если не возражаете, от креветок я, пожалуй, воздержусь, – ответила Элиза и обвела взглядом гостиную.

Тут им с Дотти улыбнулся крупный мужчина с аккуратными усами. Дотти захлопала в ладоши:

– Смотрите, а вот и Джулиан! Сейчас я вас с ним познакомлю. Они с Клиффордом большие друзья. У меня сложилось впечатление, что Клиффорд о вас очень высокого мнения, значит, мы будем часто встречаться.

Элиза удивилась:

– Неужели? Клиффорд знал меня в детстве, но мы много лет почти не виделись. Только недавно возобновили знакомство.

Дотти улыбнулась.

– Ну что ж, теперь вы знаете, как нас найти. Заходите в любое время.

– Очень любезно с вашей стороны, – искренне ответила Элиза.

Кто знает? Может, ей время от времени захочется сбежать в привычный мир, где она более-менее все понимает.

– Мужчины часто играют в покер, – продолжила Дотти, потом улыбнулась с почти виноватым видом. – Откровенно говоря, я здесь изнываю от скуки, поэтому буду очень рада, если составите компанию. В Джурайпуре так мало англичанок!

– Я планировала целиком погрузиться в индийскую культуру.

– Но и отдохнуть иногда вам тоже не помешает. А теперь познакомлю вас с Джулианом. Уверена, вы чудесно поладите.

На следующий день после коктейльной вечеринки Элиза проявила первые фотографии и осталась очень довольна результатом. Особенно ей понравился снимок мужчины с проникающим в душу взглядом и его ребенка с торчавшими во все стороны черными волосиками. От этого человека веяло какой-то первозданной мудростью, он был исполнен чувства собственного достоинства, но одновременно и глубокой печали. Элизу приводила в восторг способность фотографии рассказать целую историю и сохранить ее в одном мгновении. Элиза надеялась, что ей удастся сделать побольше фотографий по зову сердца, а не по долгу службы. Она так хотела свободно ходить среди простых людей и хоть отчасти познать загадочную душу этого народа. Тогда она была бы совершенно счастлива.

Она получила написанное от руки письмо от Чатура. Лично она с ним так и не встретилась. Чатур извещал, что в первую очередь она должна сделать снимки княжеской семьи, а начинать с других сюжетов значит проявить глубочайшее неуважение. Элиза не возражала: она в любом случае собиралась снимать князя и его семейство. По крайней мере, так она быстрее разберется, кто есть кто, и потом уже можно переходить к более скрытым аспектам жизни во дворце. И хотя Клиффорду требовался только материал для архива, Элиза была исполнена решимости проявить свою творческую жилку.

Придворный с красным тюрбаном на голове, одетый во

все белое, провел ее в просторный двор, с трех сторон окруженный закрытыми балконами зенаны. Хотя женщинам из гарема больше не нужно было прятаться, многие из них по-прежнему скрывались за решетками. Вдруг Элиза сообразила, что за каждым ее шагом следят, и по всему ее телу пробежала дрожь.

Элизу встретил высокий мужчина с прямой осанкой, внушительными усами, широкими лохматыми бровями и темными мешками под глазами. Она готова была поклясться: это тот самый мужчина с матча поло, который смеялся после инцидента с принцем. Элиза подумывала, не поделиться ли своими наблюдениями с Клиффордом. Но вдруг у нее просто разыгралась фантазия? Ни к чему создавать репутацию впечатлительной дурочки.

– Я Чатур, деван – управитель дворца, – высокомерным тоном произнес он. Ответа дожидаться не стал и руки Элизе не подал. Просто продолжил: – Все здесь делается только с моего разрешения. Я все организую. Это понятно? Любые свои намерения вы должны обсуждать со мной.

Хотя этот человек не принадлежал к правящей династии, в его манере чувствовалась поистине королевская власть. Он явно был высокого мнения о своей персоне. Элизе очень хотелось отвести взгляд, но она упорно продолжала смотреть ему в глаза, хотя в их черной глубине скрывалось что-то пугающее. Элиза знала от Дотти о репутации Чатура, и его поведение доказывало правдивость слухов. Он смотрел

на Элизу испытующе, будто в чем-то подозревал ее. Впрочем, возможно, так он вел себя со всеми.

– Если будете подчиняться моим указаниям, хорошие отношения со мной сослужат вам добрую службу, мисс Фрейзер. Ну а если нет...

Он развел руками.

– Понимаю, – ответила Элиза.

Она рассудила, что разумнее всего соглашаться с Чатуром. Во всяком случае, пока.

– Мы с вами будем часто видеться, – продолжил деван. На его лице появилось отдаленное подобие улыбки. – Я на вас рассчитываю и надеюсь, что наше сотрудничество будет проходить в атмосфере полного взаимопонимания. У нас не любят, когда чужаки суют нос в дела дворца.

– Я не собираюсь никуда, как вы выразились, совать нос. Моя работа – фотографировать, и не более того.

– Хотелось бы верить, мисс Фрейзер. Хотелось бы верить. Учтите, я буду пристально за вами наблюдать.

С этими словами Чатур развернулся и вышел.

Этот короткий обмен репликами только усугубил нервозность Элизы, но она решила не заикливаться на неприятном эпизоде.

Она рассматривала разные помещения для проведения съемки, где свет будет подходящим, но ей сказали, что время и место обсуждению не подлежат. Более того, Элизе дали всего полчаса. Еще она думала о фоне. Элиза предпочла бы

совсем простой: зрителя ничто не должно отвлекать от главного, то есть от людей на снимке. Но Чатур забраковал почти все ее идеи, объявив их «в высшей степени неуместными». В результате Элизе было велено фотографировать членов княжеской семьи на фоне богато украшенной стены. Работа предстояла кропотливая.

Выбрав идеальную позицию для камеры, Элиза стала собирать оборудование. Сегодня она воспользуется большой полевой камерой «Сандерсон регюлар». Впрочем, по сравнению со многими пластиночными фотоаппаратами этот был невелик. Элиза выбрала его в качестве компромиссного варианта: он не слишком много весил и при этом позволял делать снимки надлежащего качества. А еще Элиза всегда носила с собой испытанный компактный «Роллейфлекс» на случай, если вдруг увидит что-то интересное. К счастью, гибкое соединение передней и задней стенок позволяло осуществлять подвижки, таким образом контролируя перспективу и фокальную плоскость, чтобы главный объект съемки всегда был на первом плане.

Понадобилось некоторое время, чтобы установить аппаратуру. С тяжелой треногой из красного дерева и латуни пришлось повозиться. Возможно, потребуется вспышка, и тогда Элизе пригодится специальный порошок. Она установила лампу-вспышку «Агфа» на вторую треногу и закрепила спусковой тросик, состоявший из длинного резинового шланга и резиновой груши, которую надо было сжи-

мать. Давление приводило в действие ударно-кремневый механизм, поджигавший порошок для вспышки. Элиза еще раз осмотрела место будущей съемки, прикидывая, сколько порошка ей потребуется. Вероятно, она успеет сделать три-четыре снимка, самое большее – шесть, поэтому для экономии времени она решила смешать порошок заранее, чтобы не заниматься этим перед каждой следующей фотографией. Решение было рискованным, ведь смешанный порошок мог воспламениться самопроизвольно. Эта смесь магния и хлората калия неоднократно подпаливала Элизе волосы. Но если она усадит своих моделей под дерево, вспышка поможет убрать тени.

Едва Элиза успела закончить приготовления, как, словно по сигналу (видимо, ей не показалось, что за ней все время следят), вошли четверо слуг и внесли нечто, напоминающее трон. Элиза слышала о *гадди* – роскошных тронах с мягкими подушками. Ярко-красный с золотом, он показался Элизе слишком кричащим. А если такие предметы по вкусу махарадже, значит Джайант и его брат Аниш отличаются друг от друга, как ночь и день. Элиза указала на место под деревом, и слуги установили трон там, а рядом с ним – несколько кресел. Еще один слуга разбросал вокруг розовые лепестки.

Послышался лирический напев флейты, а вслед за ним – барабанная дробь. Элиза вспомнила, что в индийской мифологии барабан пробуждает творение к жизни. Потом она различила шорох шелков, и княжеская семья вышла во двор

через полускрытую арку на первом этаже. Они торжественно приблизились к трону и креслам. Из-за всего этого великолепия Элиза разволновалась еще сильнее. Махараджа сел и только после этого удостоил фотографа вниманием.

Махараджа Аниш оказался полным мужчиной, постоянно запуская пухлые пальцы в коробку с рахат-лукумом, которая лежала на коленях его супруги Прии, женщины с кислым выражением лица. Махараджа отправлял в рот один кусочек за другим, и от этого вокруг него разлетались облачка сахарной пудры. Глаза у Аниша были красные. Элиза подумала: что, если он не только обжора, но и пьяница? Мама часто говорила, что причина неводержанности индийских князей – отвратительная традиция полигамии. А полигамию Анна ненавидела всей душой.

Пальцы Прии и ее мужа были унизаны многочисленными кольцами, одежда расшита драгоценными камнями. В кои-то веки Элиза порадовалась, что фотография не передает цвет. Если гадди показался ей слишком ярким, то наряды этой пары и вовсе били все рекорды. На вид Прие можно было дать около сорока. Ее трудно было назвать красавицей, к тому же лицо махарани казалось застывшим – ни следа мимики. Однако это лицо с глубоко посаженными глазами и чуть крючковатым носом притягивало к себе взгляд. На ней были чоли и гагра – золотисто-красная, украшенная вышивкой юбка. Волосы махарани покрывала шелковая шаль такого же цвета. На шее висела нитка сверкающих рубинов, от

запястья до середины предплечья руку покрывали массивные серебряные и золотые браслеты – *пунчи*.

Элиза посмотрела направо. Во двор вышел Джайант, а с ним – мужчина пониже ростом с широкими плечами, иссиня-черными волосами и темными бровями. Он был одет в длинный приталенный кафтан до колена из черного атласа с изящной золотой вышивкой и стоячим воротником и в черные брюки. Джай тоже облачился в парадные одежды, однако его наряд был гораздо более сдержанным. Элиза в первый раз увидела его с тюрбаном на голове, но особенно ее удивило, как величаво и элегантно может выглядеть этот «бродяга». Только когда он улыбнулся ей, Элиза сообразила, что слишком долго его разглядывает. Чувствуя себя застигнутой на месте преступления, она смущенно отвернулась и принялась возиться с камерой. При звуке шагов за спиной повернула голову. Из еще одной полускрытой арки вышла Индира и приблизилась к Элизе.

– Мне велено вам помогать, – проговорила она. – Theek hai?¹⁵

– Да, все в порядке, – ответила Элиза.

Но теперь перед ней стояла совсем другая Индира: искрометной веселости как не бывало, глаза опущены, поведение сдержанное, даже осторожное. Судя по выражению лица махарани, так на девушку повлияло именно присутствие Прии:

¹⁵ Все нормально? (Все в порядке?) (*хинди*) – Здесь и далее слова и фразы на хинди приведены в орфографии автора.

та не поприветствовала ее, лишь бросила на Индиру взгляд свысока, потом демонстративно отвернулась. Пока Элиза гадала, кто такой мужчина, пришедший с Джаем, к группе присоединились Лакшми и три дочери махараджи. Вся семья была в сборе. Младший брат Джая учился в школе в Англии и поэтому участвовать в фотосъемках не мог.

Элиза вынудила своих моделей подвинуться друг к другу ближе, чем им, похоже, хотелось. Друг принца стоял в стороне. Прия то и дело вздыхала. Всего через несколько минут она поднялась на ноги и, встав спиной к Элизе, обратилась к Лакшми:

– Неужели англичанка еще не закончила? Мне пора на молитву.

– Ее имя мисс Фрейзер, – мягко ответила Лакшми. – По нашей договоренности она имеет право делать все, что считает нужным.

– По вашей договоренности?!

– Давайте не будем ссориться в такой прекрасный день, – произнес махараджа. – Небо голубое, воздух свеж, птички поют. Пусть англичанка делает все, что захочет. – Он улыбнулся Прие. – Но конечно, в разумных пределах, дорогая.

Прия взглянула на мужа с обидой и поджала губы.

– Ну как же иначе! Ты всегда слушаешься мамочку.

Аниш нахмурился:

– Уверен, мисс Фрейзер скоро закончит.

Элиза постаралась сдержать нервозность. Что и говорить,

модели на этот раз попались трудные.

– Осталось совсем недолго. Княгиня, если вас не затруднит, вернитесь на свое место, и я быстро завершу съемку.

Элиза обратила внимание, что Джайант в спор не вмешался: пока остальные препирались, тихонько насвистывал что-то себе под нос. Освещенный солнцем, он стоял в расслабленной позе, всем своим видом демонстрируя беззаботность. Но раскол и конфликты в семье сразу бросались в глаза. Элиза не могла себе позволить наживать врагов: она истратила слишком много денег на покупку фотооборудования. Дело шло медленно, потому что для каждой фотографии приходилось менять пластину. От нервозности руки слушались Элизу хуже, чем обычно, поэтому она вздохнула с облегчением оттого, что нигде ничего не заело и она благополучно закончила работу. Иначе пришлось бы решать проблему в темной комнате, а это задержало бы съемку. На улице Элиза предпочитала свой верный «Роллейфлекс», однако он не годился для официальных портретов и подходил только для непостановочной съемки. Княжеская семья привыкла к церемониям. Элизе хотелось фотографировать их в естественной обстановке – впрочем, для этого ее и наняли. Но не годится с самого начала их отталкивать. Клиффорд заявил, что его интересует максимально правдивая картина жизни в Раджпутане. Ограничиваться формальными портретами с застывшими лицами отнюдь не следует.

Когда члены семьи стали расходиться, Джай отвел Аниша

в сторону. Судя по тону, они из-за чего-то спорили. Элиза несколько раз услышала имя Чатура. Разбирая свое оборудование, она краем глаза наблюдала за братьями и заметила, что Джай просто кипел от возмущения. Один раз он схватил брата за локоть. Аниш стряхнул руку Джая и повысил голос.

– Не вмешивайся. Чатур отчитывается передо мной, а не перед тобой.

– Ты дал ему слишком много власти.

Тут Элиза передвинула треногу. Братья вспомнили, что они не одни, и понизили голоса. Однако Элизе было совершенно ясно, что Джай не одобряет Чатура.

Аниш удалился. Джай некоторое время стоял неподвижно, потом подошел к Элизе и непринужденно произнес:

– Вы хорошо поработали. Я бы даже сказал, впечатляюще.

– Вы же еще не видели фотографий, – резко ответила Элиза: ее разозлил его всезнающий тон.

– Сразу видно, что вы профессионал.

– А вы любителя ждали?

– Просто женщина-фотограф... – Джай пристально поглядел на нее и сбавил тон: – Всего лишь хотел сказать, что это довольно необычно. Мы, в отличие от англичан, не привыкли, чтобы женщина вашего статуса зарабатывала на жизнь.

– Женщина моего статуса? – растерянно переспросила Элиза.

Джай кивнул.

– Дома меня тоже считают белой вороной, однако я наме-

рена сделать себе имя, и ничто мне не помешает, – произнесла Элиза, думая о том, какую свободу ей дарит работа.

– Ваша тяга к признанию вас и сгубит.

– Так же, как и чрезмерное использование воды, я полагаю? – (Принц усмехнулся.) – Думаете, мне даже пытаться не стоит? – спросила Элиза.

– В жизни должен быть баланс. Нужно уметь отличать важное от несущественного.

– И вы это искусство освоили?

Джай отвел глаза.

– Не сказал бы. Кстати, это мой старый друг Девдан, сокращенно Дев. Мы с ним познакомились еще в детстве, на верблюжьей ярмарке. Люблю при случае посещать ее инкогнито. Так больше свободы. Не говоря уже о том, что, если торговцы не знают, кто перед ними, уступают товар дешевле.

– Когда мы в первый раз встретились, я тоже понятия не имел, кто он такой, – с широкой улыбкой произнес Девдан. – Знаете, что означает мое имя? Божий дар.

– Надо было тебя Смутьяном назвать, – рассмеялся Джай и хлопнул друга по спине.

– Я приехал на ястребиную охоту. Верблюжьей бега, охота на антилоп – для таких дел лучшей компании, чем друг-раджпут, не найти. У раджпутов честь превыше всего, правда, Джай?

Джай улыбнулся, но его янтарные глаза помрачнели. Судя по его задумчивости, даже такому самоуверенному человеку

были не чужды сомнения. Дожидаясь, пока принц заговорит, Элиза наблюдала за шумными обезьянами на апельсиновых деревьях.

– Да, золотые были деньки! Лучше руки на себя наложить, чем признать поражение, – наконец проговорил Джай и после чуть неловкой паузы прибавил: – Но потом мы стали паиньками.

– Паиньками? У меня создалось о вас другое впечатление, – заметила Элиза.

– Видели бы вы нас тогда! Свирепости нам было не занимать, – вставил Дев.

Судя по выражению его лица, он не преувеличивал. Хотя Девдан был ниже ростом, чем Джай, да и общался в шутливой манере, чувствовалось, что он не так прост, как кажется. Девдан разговаривал с Элизой приветливо, но время от времени она ловила на себе его настороженный взгляд, и это ее смущало. Возможно, это простое любопытство, однако Элиза старалась не встречаться с ним взглядом. Глаза у Девдана оказались глубоки, как омуты, и по ним невозможно было понять, что у него на уме. Элиза не подумала бы, что у Джая может быть такой друг.

– Вы говорили о равновесии, – произнесла она, отворачиваясь от Дева и обращаясь к Джая. – Работа – дело важное. Раз уж вы больше не воин, почему бы не найти себе другое полезное занятие?

– Джай, ты только ее послушай! Она считает, что верблю-

жьи бега – занятие бесполезное.

Дев посмеялся над собственным замечанием. Элиза улыбнулась, радуясь, что сумела разрядить обстановку.

– Возможно, она права, – проговорил Джай.

– Позвольте узнать, с чего начался ваш интерес к фотографии? – спросил Дев.

– Первую камеру мне подарил муж, когда у нас был медовый месяц, – не подумав, ответила Элиза и бросила взгляд на Джайанта.

– Должно быть, вам его не хватает, – только и сказал Дев.

Чувство вины из-за Оливера снова пробудилось, готовое медленно задушить ее. На глаза наворачивались слезы бессилия. Но Элиза, как всегда, взяла себя в руки и молча кивнула.

– А чем именно вас привлекла фотография?

– Это же так интересно! – Элиза улыбнулась. – Я видела фотографии Мана Рэя. Он много экспериментировал и работал с художниками-сюрреалистами – к примеру, с Марселем Дюшаном. А потом, когда я начала фотографировать сама, оказалось, что сквозь линзу все выглядит совсем по-другому. Я научилась фокусироваться на неожиданном. Я будто увидела мир новыми глазами. Конечно, мой муж и представить не мог, что мое увлечение станет началом карьеры.

Повисла короткая пауза.

– Только после его смерти у меня появились средства, чтобы купить больше оборудования и оплатить обучение.

– Простите, я не знал, – произнес Дев.

– А теперь... – Элиза опустила голову. – Фотография – вся моя жизнь. Не только то, что я вижу, но и то, что я чувствую.

Однако ответ Элизы не передавал всей силы ее страсти. Она не сказала, что может самовыражаться только с помощью своей камеры, не объяснила, что фотография стала для нее утешением. Промолчала о том, что верит: успех в карьере, возможно, снимет с нее бремя вины. Элиза хотела, чтобы папа ею гордился, и надеялась, что, сосредоточившись на работе, забудет о душевной боли. Но истина заключалась в том, что она готова была положить всю жизнь, лишь бы не повторять судьбу матери, даже если ради этого придется остаться одной и всю себя посвятить работе. Она знала наверняка, что больше никогда не откажется от самой себя лишь для того, чтобы смягчить чувство одиночества, и не будет стыдиться того, что у нее есть свой голос и она хочет, чтобы его услышали.

– Сегодня вы выглядите по-другому, – сменила тему Элиза и кивнула на кафтан Джая.

– Ах, вы об этом. Называется *ачкан*. Его придумали еще моголы.

Элиза взглянула на ажурные решетки джали, вырезанные из мрамора, и у нее снова возникло ощущение, будто за ней следят.

Остаток дня Элиза провела в темной комнате. В жарком

климате Раджпутаны непроявленные фотографические пластины быстро портятся, поэтому Элиза решила проявлять снимки как можно быстрее. Но она не предвидела, что из-за жаркого полуденного солнца находиться в замкнутом темном пространстве без вентиляции будет особенно тяжело, а ведь на ней вдобавок были перчатки из нитрила и маска. Жидкость для проявки представляла из себя смесь химикатов, самыми токсичными из которых были белые блестящие кристаллы пирогаллола. Вот почему Элиза настояла, чтобы ключ был только у нее. Если даже небольшая доза пирогаллола попадет в организм человека или вступит в контакт с кожей, последствия будут весьма неприятными. Но Элизе нравилось работать в уединении, и, хотя от едкого уксусного запаха химикатов болела голова, она продолжала трудиться и вот методом контактной печати получила позитивные изображения. Элиза покажет их Клиффорду, и, если все будет в порядке, он даст разрешение отправить их в Дели вместе с пластинами для финальной печати, а она приложит свои заметки и инструкции о том, какого размера должны быть фотографии.

Глава 5

Стук в дверь застал ее врасплох. Элиза крикнула незваному гостю, чтобы подождал минутку. Она думала, что кто-то из слуг принес ей напитки, но за дверью ее ждала Индира.

– Хотите посмотреть мои работы? – предложила девушка. Судя по бойкому взгляду, обычная живость к ней вернулась. – Мы ведь с вами обе художницы, если, конечно, фотографию можно считать искусством.

Элиза вежливо кивнула:

– Разумеется. Главное, чтобы люди хотели смотреть на то, что мы делаем.

Элизе было очень любопытно взглянуть на работы Индиры, но, откровенно говоря, еще больше ее интересовала сама художница. Было в этой девушке что-то непонятное. Кто она, откуда? Почему во дворце ей предоставлена практически неограниченная свобода? Ну а если совсем уж начистоту, то Элизу очень занимал вопрос, что за отношения связывают эту грациозную девушку и Джайанта.

Индира изящно скользила по лабиринтам коридоров и по коям дворца, а полупрозрачная дупатта развевалась за ее спиной. Но Элиза задыхалась здесь, а темные, тесные коридоры, затененные ниши и бесконечные узкие лестницы только усиливали это ощущение. Повсюду виднелись решетки джали. Пару раз Элиза едва не заплутала. После этого она

уже никогда не удивлялась, что многие британцы описывали индийские дворцы как места, полные интриг и сплетен.

И все же, когда они вошли в величественный дурбар (зал приемов), от его великолепия у Элизы захватило дух. Она окинула взглядом огромные медные двери двадцати футов в высоту, а потом искрящийся светом зеркальный потолок, выложенный драгоценными камнями, и невольно ахнула. Рубины. Сапфиры. Изумруды. Элиза не верила своим глазам. Индира с гордостью показывала ей портреты членов княжеской семьи, висевшие на стенах. Индира изобразила их всех в старом могольском стиле. Элизу привел в восхищение талант девушки.

– Это всё твои работы?

Индира кивнула и с ноткой гордости в голосе подтвердила:

– Да.

– Наверное, ты не видишь необходимости в фотографии, да?

Девушка смутилась. Элиза ждала ответа.

– Живопись – *mega ruaar*, – наконец проговорила она.

– Твоя любовь? Понимаю.

– Когда я пишу картины, будто попадаю в свой собственный тайный мир.

– У меня то же самое с фотографией. Ты показываешь вещи такими, какими их видишь только ты, – согласилась Элиза и встретила взглядом. Взвешивая каждое

слово, она прибавила: – Я здесь не насовсем. Честное слово, я тебе не конкурентка.

– Значит, вы только за этим сюда приехали? Чтобы фотографировать?

– Ну конечно, зачем же еще?

Девушка окинула ее испытующим взглядом. На секунду в ее глазах что-то промелькнуло, но Индира больше ничего не сказала.

– Уверена, мне здесь рады не все. Махарани Прия меня сразу невзлюбила.

Индира рассмеялась:

– Прие никто не нравится. В том, что Джай такой, она видит британское образование, а вы британка.

– «Такой»? В каком смысле?

– С одной стороны, Джай старается не демонстрировать чувства, а это очень по-раджпутски. К тому же он ни за что не признается в своих слабостях. Но с другой стороны, он самостоятельный, своенравный и часто не слушает родных. Каждый раз, когда ему предлагали жениться на юной красавице-принцессе, отказывался. Среди его друзей есть смутьяны, что особенно актуально с тех пор, как ввели налог на соль и Ганди организовал против этого марш. Как я уже сказала, британцев Прия недолюбливает, но недовольство населения растет, и ее страх перед революцией сильнее, чем антипатия к британцам.

– Должно быть, она тревожится, – произнесла Элиза.

Возможно, под жесткой броней Прии скрывалась уязвимость.

– Махарани никогда не признается, но, скорее всего, да.

– С людьми, которые могут многого лишиться, часто так бывает. Может быть, она опасается того, что будет, если Индия получит самоуправление?

– Возможно. Но я думаю, что Аниш уже подготовился. В случае чего все богатства будут спрятаны в одном из старых туннелей под крепостью.

– А богатства немалые.

Инди кивнула.

– Дев тоже входит в число друзей Джая, призывающих к беспорядкам?

– Очень может быть. Ему не выдали лицензию на право владения пишущей машинкой. Это уже кое о чем говорит. Дев считает, что простым людям нужно давать образование, чтобы они говорили одним голосом... или в один голос?.. В общем, что-то в этом роде. – Индира пожала плечами. – Попробуй пойми, что у Дева на уме.

Элиза тяжело вздохнула и решила сменить тему.

– Где ты научилась рисовать?

– В родной деревне. Меня Тхакур учил.

– То есть знатный человек?

– Да.

– Но сама ты не знатного происхождения?

Инди покачала головой и опустила глаза:

– Нет.

Элиза надеялась, что девушка расскажет еще что-нибудь, но похоже, она спряталась, как улитка в раковину. Элиза не стала расспрашивать ее о прошлом и вместо этого поинтересовалась, что Индире больше всего нравится во дворце.

Девушка с облегчением подняла голову: она явно радовалась, что разговор принял другое направление.

– Все нравится, конечно же! Но давайте лучше о вас поговорим. Вам никогда не хотелось выйти замуж?

Элиза сдержала улыбку. Неужели она кажется этой девушке такой старой? Глядя на прекрасные миниатюры Индиры, Элиза размышляла о том, как фотография постепенно захватила всю ее жизнь. В Париже она познакомилась с женщиной, которая собиралась стать профессиональным фотографом. Именно тогда Элиза поняла, что подобная цель вполне достижима. А после того, как одна из ее ранних любительских фотографий, запечатлевших маленького беспризорника, попала на страницы иллюстрированного журнала, Элиза прониклась уверенностью, что и она тоже может стать настоящим фотографом.

Элиза помедлила и все же решила ответить честно. Возможно, когда-нибудь расположение этой девушки ей пригодится.

– Я была замужем, но мой муж погиб в аварии.

Лицо Индиры исказила потрясенная гримаса.

– Вы вдова? – выдохнула она.

Подобная реакция привела Элизу в замешательство. У нее упало сердце. Она не отдавала себе отчета, какой сокрушительный эффект способно произвести это признание. Джай предупреждал, что о ее статусе лучше помалкивать, но вот Элиза ненароком упомянула мужа в разговоре с Девом, а теперь еще и Индира знает о ней правду. О чем Элиза только думала?

Глава 6

Однажды вечером, вскоре после разговора с Индирой, Элиза вышла в коридор и выглянула в окно, на котором не было решетки джали. Она увидела, что двор усеян кухонной утварью. Бледная луна серебрила миски, котлы и прочую посуду, разложенную на земле возле входа в дворцовые кухни. Эта ночная «выставка» только укрепила Элизу во мнении, что ей никогда не понять, кто такие раджпуты и по каким законам они живут.

А наутро, узнав, что во дворец прибыл Клиффорд, Элиза невольно встревожилась: вдруг он нарушит то хрупкое равновесие, в котором она существовала в последнее время? Элизу провели в коридор, разделявший мужскую и женскую половины, а оттуда в небольшую гостиную. Клиффорд с большой плоской коробкой в руках уверенно вошел в комнату и, к удивлению Элизы, расположился совсем по-хозяйски, закинув ноги на кушетку, обитую плюшевым бархатом.

– Пришел помочь тебе подготовиться к официальному дурбару, – деловито сообщил Клиффорд и сдвинул на переносицу сползавшие очки в проволочной оправе. Он явно был склонен к повышенному потоотделению, особенно в плотном льняном костюме. Его лоб блестел, как зеркало. Клиффорд достал белый платок и вытер лицо.

– Мероприятие пышное и довольно-таки показушное, со-

стоит через два дня. Уж чего-чего, а блеска и размаха будет более чем достаточно: церемонии, куча гостей.

– Мне обязательно присутствовать?

– А я думал, ты обрадуешься. Там будет Догги.

Элиза набралась храбрости, сделала глубокий вдох и взяла быка за рога.

– Приятно было бы снова ее увидеть, но я хочу поселиться за пределами дворца.

– В городе?

Элиза кивнула.

Клиффорд покачал головой:

– Извини, тут ничем помочь не могу. Гостевой дом закрыт.

Элиза глубоко вздохнула. Одной просьбы оказалось недостаточно.

– Здесь невозможно уединиться. У меня такое чувство, будто за мной постоянно следят.

– Так и есть. С этими ребятами просто не бывает.

Клиффорд поднял с пола коробку. Когда он наклонился за ней, у него задралась штанина, и Элиза увидела его ногу: молочно-белую, с рыжими волосками. Люди с таким типом кожи сильно обгорают на солнце.

– Но не забывай: империю создали мы. – Клиффорд помолчал, будто дожидаясь, когда Элиза усвоит эту мысль. – Я тебе кое-что принес.

– Не понимаю. Это посылка? От кого?

Довольный собой, Клиффорд улыбнулся:

– Скажем так, я приготовил для тебя небольшой подарок на новоселье.

Элиза взяла коробку, положила на стол, медленно развязала бечевку и подняла крышку. При виде потрясающе красивого платья переливчатого сине-зеленого оттенка она невольно ахнула.

– Твоя мама сказала, что это твой любимый цвет.

Элиза нахмурилась:

– А как вы узнали мой размер? Тоже мама подсказала?

– Платье из шелка, – сообщил Клиффорд, игнорируя вопрос. – Ну как, нравится?

– Очень красивое.

– Если оно покажется тебе слишком открытым, к нему прилагается шаль с ручной вышивкой золотом. Да, ни больше ни меньше. Можешь набросить ее на плечи.

– У меня нет слов.

Клиффорд встал и подошел к окну. Повисла пауза. Если таким образом Клиффорд давал ей возможность собраться с мыслями, Элиза была ему благодарна. Пожалуй, она ошибалась на его счет, и Клиффорд гораздо более чуткий, чем ей казалось. Но она не может принять такое платье от почти незнакомого человека. Как это будет выглядеть со стороны? И все же у Элизы никогда не было такой роскошной вещи. Соблазн оказался велик.

– Расскажите про дурбар. – Она решила выиграть время. –

По какому случаю его устраивают?

– В прежние времена в княжествах проходили два главных дурбара: один политический – на нем махараджа с министрами обсуждали государственные дела, – а второй светский. Это развлекательное зрелище, главная задача которого – продемонстрировать богатство и великолепие княжеского двора.

– Значит, этот дурбар второго типа?

– Да. Поскольку почти всеми административными делами занимаемся мы вместе с князем Анишем, необходимость в первом виде дурбаров отпала. Остались только те, что напоминают всем о княжеском величии. – Клиффорд широко улыбнулся. – Мы успешно отделили политическое от церемониального. Нельзя допустить, чтобы местные мутили воду.

Элиза не понимала, почему князья отказались от львиной доли своей власти, подписав договоры с британцами, и очень хотела об этом спросить, но на сегодня общения с Клиффордом ей было достаточно. Единственное, что знала Элиза: Британская Индия занимала около трех пятых долей от территории страны, а остальная ее часть состояла из пятисот шестидесяти пяти княжеств, косвенно тоже находившихся под британским управлением.

– Я не могу взять такой подарок, – категорично объявила Элиза.

– Полагаю, тебе придется.

Элиза не стала спорить, лишь сменила тему.

– Не знаете, зачем вчера вечером кухонную утварь вынесли во двор?

– Меня их обычаи не интересуют – ни прекрасные, ни ужасные. Наверное, ловили магию лунных лучей или еще какой-нибудь ерундой занимались. – Клиффорд направился к двери. – Кстати, как тебе Лакшми?

– Она очень добра.

– И все же следи за ней в оба. Заметишь что-то подозрительное – сразу докладывай мне.

– О боже. Что, например?

Клиффорд пожал плечами:

– Мало ли. Просто дружеский совет.

– Клиффорд, я хочу собрать самые удачные фотографии и устроить небольшую выставку. Вы ведь не против? Может быть, в октябре, к концу года?

– Почему бы и нет? Место еще не выбрала?

– Пока нет. Хотела посоветоваться с вами.

– Ладно, там видно будет. Но сначала покажешь фотографии для выставки мне. Не хотелось бы, чтобы ты выставляла империю в невыгодном свете. Ну хорошо, увидимся на дурбаре. Смотри, не ударь в грязь лицом.

– Обещаю.

– Верю: в этом платье ты будешь выглядеть просто восхитительно. Хорошо, что зенана и *мардана* разделены.

– Мардана?

– Мужская половина, моя дорогая. Для меня ты и сейчас достаточно красива, но в этом наряде и вовсе будешь услადой для усталого взора. Придется внимательно за тобой приглядывать.

После разговора с Клиффордом Элиза хотя бы знала, чего ожидать, поэтому перед дурбаром уделила особое внимание своей внешности. Когда она облачилась в великолепное шелковое платье, служанка Кири пришла ее причесать. «Расческой по волосам нужно провести сотню раз», – вспомнила Элиза. Не больше и не меньше. Пока Кири вплетала в ее волосы нити сверкающих кристаллов, в ушах так и звучал строгий голос матери.

А потом Элиза вспомнила, как расчесывала волосы Анны. Элиза тогда спросила, почему мама такая грустная, но ответом ей было молчание, а потом на ее руку закапали теплые мамины слезы. Элиза не знала, что делать и как утешить маму. Потянулась было к ней, но Анна оттолкнула ее руку. Ни мать, ни дочь не произнесли ни слова, но этот короткий миг прочно запал Элизе в память. Она не понимала, с чем была связана затянувшаяся меланхолия ее матери – кроме гибели мужа, разумеется.

Элиза посмотрелась в зеркало. Она не ожидала, что из-за переливчатого синего цвета шелкового платья ее глаза будут сверкать так же ярко, как кристаллы в ее волосах. Свободно распущенные по плечам медовые локоны сияли, отте-

няя нежный цвет лица. Кири лишь слегка собрала ее волосы, потом сделала ей сдержанную версию макияжа в индийском стиле, обведя ее глаза серым и добавив чуть-чуть цвета губам и щекам.

Элиза уже собиралась покинуть комнату, когда внутрь зашла Лакшми и что-то приказала Кири. Та поспешила прочь. Лакшми окинула Элизу оценивающим взглядом и улыбнулась.

– До чего вы хороши! Зачем же вы прячете свою красоту, дитя мое?

– Я...

– Вижу, я вас смутила. Простите. Но вам следует прикрыть плечи.

– Ой, чуть не забыла! – спохватилась Элиза и поспешила к шкафу, где висела шаль. Элиза достала ее и показала Лакшми.

Пожилая женщина провела пальцами по шелку.

– Очень тонкая работа. Откуда она у вас?

– Клиффорд Салтер подарил.

– Славный малый. Так, кажется, говорят британцы?

– Иногда.

– Не красавец, конечно, – заметила Лакшми, окидывая Элизу взглядом с ног до головы. – Но далеко не самый плохой вариант.

– Я не ищу мужа.

– Разве есть женщина, которая не ищет хорошего мужа?

Элиза улыбнулась:

– Вы вправду так считаете?

Лакшми грустно вздохнула:

– Мне повезло: я вышла замуж за прекрасного человека и жила с ним в счастливом браке. Муж воспринимал меня как равную. При княжеском дворе подобные отношения между супругами редкость. Но хватит обо мне, поговорим о вас. К чему вы стремитесь, о чем мечтаете? Даже если вы не заинтересованы в браке, у вас должна быть какая-то страсть. Иначе в сердце царит пустота.

– Сейчас моя страсть – работа.

Лакшми улыбнулась:

– Вот как? Ну что ж, пойдёмте. Покажу вам место, откуда будет лучше всего видно процессию. Нас, женщин передовых взглядов, немного, поэтому мы должны держаться вместе, особенно в наше время.

– Благодарю.

– Друзья вам пригодятся, и все-таки советую присмотреться к Клиффорду Салтеру. Замужней белой женщине в Индии позволено больше, чем одинокой.

– Спасибо, учту. Хотела спросить вас про колокола. Я их слышу каждый день. Они ведь звонят в храме, верно?

– Колокола созывают нас на *пуджу* – обряд поклонения и почитания. Вы скоро убедитесь, что в Раджпутане любое действие – своего рода обряд или ритуал. Боги, которым мы молимся, воплощают различные силы, направляющие нашу

жизнь. Мы не отделяем священное от повседневного. Для нас это одно и то же.

– Понимаю. Ваши взгляды сильно отличаются от наших.

– Могу представить. Ну что ж, приятного вечера.

Лакшми повернулась, собираясь уходить.

– Извините, Лакшми, – окликнула ее Элиза. – Если можно, я хотела бы съездить в одну из раджпутских деревень и пофотографировать местных жителей.

– Считайте, что все уже организовано.

Колоннаду, протянувшуюся от главных ворот, ведущих в замок, освещали горящие факелы, закрепленные в мраморных вазах, и каждый охранял слуга в белом. Когда Лакшми оставила ее одну, Элиза стала наблюдать за происходящим с балкона. Ее взгляду представилась длинная вереница серебряных и золотых паланкинов на раскрашенных и сверкающих драгоценными камнями спинах слонов, взбиравшихся вверх по холму. Когда они прошли сквозь ворота в украшенной цветами стене и замерли на месте, Элиза ахнула, но не от восторга перед всем этим сияющим великолепием. У нее мгновенно кровь застыла в жилах. Элиза будто перенеслась в прошлое: вот ей снова десять лет, и она опять свешивается с балкона, чтобы помахать рукой папе. У Элизы защипало глаза. Она попыталась сдержать слезы. Нет, так не пойдет. Годами она боролась со слабостями, училась держать себя в руках и быть сильной во всех смыслах этого слова. Не для

того она трудилась, чтобы расклеиться сейчас.

– Элиза!

Она обернулась и увидела Джая в темной, расшитой золотом *ангархе* (традиционной верхней одежде). На фоне темных губ и сияющей смуглой кожи белоснежные зубы принца сверкали особенно ярко. Когда он улыбался, морщинки в уголках его глаз становились глубже. Принц стоял неподвижно и не сводил с Элизы глаз. Молчание затягивалось, но они продолжали глядеть друг на друга, не произнося ни слова. Элиза осознала, что в этом человеке есть что-то искреннее, настоящее, и это что-то находит отклик в ее душе. Элиза хотела что-нибудь сказать, но все слова вылетели из головы. А потом принц моргнул, будто очнувшись, и момент прошел. Элиза сразу устыдилась своей слабости. Она поспешно утерла слезы и отступила на шаг, лихорадочно придумывая благовидное объяснение своей сентиментальности.

– Очень красивая процессия, – наконец произнесла она.

– Могу сказать то же самое о вас. Поразительно! Беру назад все, что говорил о ваших волосах.

Элиза часто заморгала. Из-за добрых слов она совсем расчувствовалась.

– Позвольте сопроводить вас вниз.

Элиза кивнула, одновременно радуясь тому, что неловкая сцена закончилась, и опасаясь, что появление под руку с красавцем-принцем настроит княжескую семью против нее.

Когда они шли к широкой мраморной лестнице, спускав-

шейся к главному залу для дурбаров, Элиза постаралась выбросить все тревоги из головы и расслабиться. Казалось, все глаза были устремлены на них. К тому же близость принца приводила Элизу в волнение, и не только из-за того, что подумают люди. Беспокойство Элизы оказалось отнюдь не беспочвенным: когда они спускались по ступенькам, она поймала на себе взгляд Индиры. Девушка была сногшибательно хороша в своем алом наряде, но ее угрюмый взгляд, исполненный ревности, встревожил Элизу. То, что Индира влюблена в Джая, ясно как день. Элиза искоса посмотрела на принца, но тот едва взглянул в сторону Индиры. Неужели он завлек девушку пустыми обещаниями? Или чувства Индиры родились из давней дружбы? Элиза надеялась, что правдиво второе предположение.

Как только знатные гости и их свита сошли со своих слонов, стражники в парадной одежде сопроводили всех в зал для дурбаров. На сцене оркестр уже играл западные мелодии. Пока все дожидались махараджу с супругой, Элиза слегка пританцовывала под музыку. Наконец вошел Аниш. Он был до такой степени увешан сверкающими драгоценностями, что куртка из темно-синего атласа скрывалась под ними почти полностью. При его появлении наступила тишина. Казалось, все собравшиеся затаили дыхание. За махараджей шла скромно потупившая взгляд Прия. Она была одета в бледно-розовую юбку, чоли и дупатту того же цвета. На ее руках и щиколотках переливались браслеты с драгоценными

камнями.

Венценосные особы расположились на атласных подушках тронов из черного дерева и серебра, стоявших на помосте с противоположной стороны от оркестра. Как только махараджа и махарани уселись, к ним присоединились их дочери, а также Лакшми и Джай. Толпа, состоявшая из двух сотен знатных и влиятельных семейств со всего штата, а также из горстки горожан, издала восторженный рев, и оркестр заиграл бравурную мелодию.

Гости расступились, и началось представление. Первой выступала *дхолан* – женщина, которая играла на барабанах и пела. Следом за ней вышли цыганские танцовщицы. Они кружились и подпрыгивали с непревзойденной грацией. Элиза все высматривала Дотти, но, похоже, они с Джулианом не пришли. Но, несмотря на переживания в начале вечера, Элиза от души наслаждалась происходящим. Гости были приветливы, и, вопреки опасениям, она вовсе не чувствовала себя не в своей тарелке. Ее взгляд выхватил из толпы Индиру и Джая. Они стояли вплотную друг к другу и разговаривали. Вдруг Индира развернулась и убежала из зала. Элизе стало ее жаль. Она решила разыскать ее. Должно быть, Индира в саду.

Элиза надеялась увидеть ее на высоких качелях, поставленных для женщин. Здесь подобные качели встречались весьма часто, о чем свидетельствовали многочисленные внутренние дворы княжеской резиденции. Однако на ка-

челях никого не оказалось. Элиза отправилась в мягко освещенный угол сада, откуда доносился аромат жасмина. Воздух был прохладнее, чем она ожидала. Поплотнее завернувшись в шаль, Элиза поглядела на звезды. Легкий ветерок нес с собой то же ощущение волшебства, которое Элиза испытала на крыше летнего дворца. Вдруг ее охватила жажда чего-то, что трудно было передать словами. Элиза запретила себе даже надеяться обрести любовь и вложила все силы в то, чтобы научиться запечатлеть одно короткое мгновение, в котором заключена самая суть того, что она видит. Когда Элизе это удавалось, у нее каждый раз дух захватывало от этого чуда.

Она уже собиралась вернуться в зал, как вдруг заметила Клиффорда. Он нетвердой походкой направлялся к ней.

– Элиза, дорогая моя девочка! – приветствовал он ее. – Ты что здесь делаешь?

– Могу задать вам тот же вопрос.

– Ищу тебя.

На секунду он застыл неподвижно, потом вплотную приблизился к ней. Выжидающе посмотрел на нее и, понизив голос, спросил:

– Ничего интересного не замечала?

Элиза некоторое время глядела себе под ноги, потом взглянула на него.

– Вы о чем?

– Чатур тебя не беспокоит?

– Нет, хотя в своей тяге все контролировать он порой заходит слишком далеко.

Клиффорд рассмеялся:

– Чатур в своем репертуаре. А с Анишем и этой его женой часто общаешься?

Элиза насторожилась.

– Не сказала бы. К чему все эти вопросы?

– Просто так, для поддержания беседы. Может, прогуляемся?

– Давайте.

Когда они шли под масляными лампами, освещавшими узкую дорожку, Клиффорд почти ничего не говорил, однако это молчание никак нельзя было назвать дружеским и непринужденным. Элиза искала подходящую тему разговора, как вдруг Клиффорд нарушил паузу. Понизив голос, он произнес:

– Элиза, я знал тебя еще ребенком.

– Да.

– Конечно, повзрослела ты без меня. С тех пор как вы с матерью уехали из Индии в Англию, мы почти не виделись.

– Вы один раз приходили к нам в гости. Я помню.

– Знаешь, а ведь я все больше к тебе привязываюсь.

– Я польщена. – Элиза набрала полную грудь воздуха и постаралась собраться с мыслями. – Вы очень ко мне добры, Клиффорд, но я вас почти не знаю, а вы не знаете меня. Со времен моего детства много воды утекло.

– Элиза, доброта тут ни при чем! Я хочу, чтобы мы познакомились поближе. Понимаешь, к чему я веду?

Такого поворота событий Элиза никак не ожидала. Как же проницательна Лакшми и как же глупа она сама! Элиза должна была это предвидеть.

Клиффорд потянулся к ней. От него пахло виски и сигарами. Элиза попятилась. Только бы не полез целоваться!

– Ты очень интересная женщина. Знаю, ты не так давно потеряла мужа, но...

Элиза перебила:

– Извините, Клиффорд, я не готова.

Должно быть, Клиффорд заметил выражение ее лица. Он мягко положил руки ей на плечи.

– У меня и в мыслях не было тебя торопить. Не спеши говорить «нет», дай себе время узнать меня получше. Больше я ни о чем не прошу.

– Как и подобает джентльмену.

– Тебя смущает, что я старше? Мужчины могут заводить детей и в позднем возрасте, а мне еще даже пятидесяти нет, и...

Элиза поспешила прервать эти излияния.

– Клиффорд, вы мне очень симпатичны...

Перед глазами живо встала его белая лодыжка, заросшая рыжими волосами. Однако тут Элиза заметила, сколько грусти во взгляде Клиффорда.

– Но ведь симпатия – это хорошее начало, правда? – спро-

сил он.

Элиза не хотела расстраивать и обижать его и тем не менее не нашлась с ответом.

– Я просто решил признаться начистоту. Буду очень благодарен, если рассмотришь мое предложение. У меня красивый дом, к тому же я порядочный человек – в отличие от...

– В отличие от кого?

– Не важно. Так, к слову пришлось. Подумай над тем, что я сказал. Мои намерения абсолютно искренни.

– Как я уже сказала, я очень польщена.

– Пожалуйста, учти, что британцев здесь не очень много, выбирать особо не из кого. Ты не задумывалась о будущем? О том, что будешь делать, когда этот проект завершится?

– Пока нет.

– А задуматься стоит. Как бы там ни было, надеюсь, что ты убедишься: я всецело на страже твоих интересов.

С этими словами Клиффорд зашагал прочь. Элиза подошла к квадратному пруду, окруженному свечами. Вокруг стояли маленькие треугольные шатры из муслина, повернутые открытой стороной к воде. В каждом помещалось не больше двух человек. Элиза подошла к самому дальнему и опустилась на толстые шелковые подушки. Вдруг раздался грохот, и огни фейерверков расцвели небо. От громких звуков тело Элизы напряглось, как натянутая струна, но потом она залюбовалась красивым зрелищем. Когда фейерверки закончились, на ее глаза уже во второй раз за вечер навер-

нулись слезы, и на этот раз Элиза даже не понимала почему. Она глядела, как на поверхности воды танцевали отражения пламени свечей, и остро ощущала собственное одиночество.

По другому берегу пруда шел погруженный в свои мысли Джай. Он был один. Принц повернул голову, и их взгляды встретились. Элиза снова почувствовала ту же связь между ними, которую ощутила, когда они рука об руку спускались в зал для дурбаров. Джай обошел пруд и направился к ней. Улыбнулся и спросил, не скучно ли ей одной. Элиза покачала головой. Джай помедлил, но потом поклонился и зашагал прочь.

Глава 7

Неделя прошла спокойно. Слезы, пролитые во время дурбара, Элиза списала на разыгравшиеся эмоции. Не время распускаться, сказала она себе. Ничто не должно мешать работе. Пока Элизу свободно впускали почти во все помещения дворца, включая кухни и кладовые, и даже женщины из зенаны встречали ее приветливо. Узнав, что Аниш до сих пор содержит наложниц, Элиза заинтересовалась судьбами этих женщин. Многие жили во дворце еще со времен его отца и успели здесь состариться. Некоторые рассказывали, что во дворец их отдали еще в младенческом возрасте. Большинство этих женщин ни разу не покидали пределы крепости. Однако вместе они весело смеялись, шили и пели. Царившая в зенане дружеская атмосфера была для Элизы в новинку.

В школе-пансионе, куда Элизу отправил мужчина, которого мама называла «дядей», отношения между девочками складывались куда сложнее. Этого человека звали Джеймс Лэнгтон. Элиза знала, что на самом деле никакой он им не родственник, хотя они с мамой жили в маленьком домике на территории его поместья. Единственное, что требовалось от Анны взамен, – присматривать за слугами, когда хозяин в отъезде.

Элиза не понимала, как другие люди пускают корни на одном месте и чувствуют себя комфортно в собственном ста-

бильном мире. Но, хотя женщины из зенаны в ее отсутствие наверняка перемывали ей кости, Элиза продолжала туда ходить. С наложницами было весело, чего об ученицах пансиона она сказать никак не могла, вдобавок никто из соучениц не вызывал у Элизы доверия. Впрочем, наложницы только один раз говорили о ком-то плохо: в тот день к ним пожаловала Прия. Элиза сразу заметила, что к махарани они относятся настороженно.

Когда Элиза фотографировала одну из наложниц помоложе, в комнату вошла Индира с сумкой в руках. Она обратилась к Элизе по-английски, чтобы никто из женщин ее не понял.

– Хочешь увидеть кое-что интересное? – с широкой довольной улыбкой предложила она, придвинула к себе стул и плюхнулась на него.

– Смотря что.

– Это что-то наподобие похорон.

Удивленная Элиза нахмурилась. Нет, хватит с нее похорон.

– Вот увидишь, тебе понравится.

Элиза молчала. После дурбара они с Индирой виделись редко, но в тот вечер в ее взгляде ясно читалась ревность.

– Кири тоже будет.

– Серьезно? Служанка?

Индира кивнула:

– Встретимся с ней в городе.

Решившись, Элиза стала собирать оборудование.

– Я уже закончила работу. Почему бы и нет? Только недолго. Хочу поскорее проявить снимки. Не возражаешь, если возьму с собой «Роллейфлекс»?

– Только если он поместится в сумку.

Индира вскочила и что-то достала из своей собственной сумки.

– Мы быстро, но сначала тебе надо переодеться. Я принесла индийскую одежду.

– Откуда ты ее взяла?

Инди склонила голову набок и загадочно улыбнулась.

– Я что угодно могу достать. Одевайся.

– При всех?

Инди рассмеялась:

– А что такого? Тут одни женщины. Они это все тысячу раз видели. Свои вещи заберешь потом.

Элиза не была ханжой, но переодевалась с пылающими щеками и всячески старалась прикрыться. Женщины смеялись и болтали, тараторя так быстро, что смысл Элиза не улавливала. Наложницы переговаривались вполне благодушно, однако вид полуобнаженной, порозовевшей от смущения белой женщины явно был для них в новинку и вызывал живой интерес. Но стоило Элизе облачиться в традиционную длинную юбку и облегающую чоли, как она сразу почувствовала себя другим человеком.

Когда они вышли из зенаны в коридор, Индира вдруг

втолкнула Элизу в нишу. Элиза вопросительно взглянула на девушку, но Индира лишь приложила палец к губам. Через некоторое время она прошептала:

– Чатур! Он деван – главный придворный.

Элиза живо представила эти непроницаемые темные глаза и кустистые брови.

– И что с того?

– У него глаза на затылке. Ко мне Чатур привык, но чем меньше он знает про тебя, тем лучше. Будь осторожна, иначе он во все твои дела сунет нос. Идем, он ушел.

– Почему я должна его опасаться?

– Чатур терпеть не может перемен, да и британцев недолюбливает. Думаю, твое присутствие его совсем не радует. Чатур застрял в прошлом. Они с Прией очень дружны, и от обоих лучше держаться подальше.

После этого Индира непринужденно принялась болтать о том о сем. Похоже, и думать забыла о своих обидах. Может быть, Джай поговорил с ней? Как бы там ни было, Элиза поразовалась, что новых проблем не предвидится. Очарованная дворцовой жизнью, Элиза беспокоилась, что неприязнь Индиры может все испортить. Ну а что касается Клиффорда, то о нем она решила пока не думать.

Элиза в первый раз оказалась в сердце средневекового города. Там они с Индирой встретились с Кири: служанке предстояло их сопровождать. При виде лабиринта извилин- стых улочек, пестрящих яркими цветами, сердце Элизы за-

билось чуть быстрее. Базары старого города узкими лучами расходились от главной башни с часами. Элиза следовала за Индирой и Кири. Какие только мастера не встречались им по пути: от красильщиков до кукольников. Тут Элиза подумала: если она заблудится, ни за что не найдет дорогу обратно. Придут ли ей на помощь эти деловито суетящиеся люди? Со стороны они воспринимаются как толпа, но каждый из них живет собственной жизнью, со своими радостями и страхами.

На рынках специй их окутали ароматы благовоний, к которым примешивался острый запах жарившегося на углях козьего мяса. Чем дальше они углублялись в лабиринт базаров, где продавали всё – от сладостей до сари, – тем громче раздавался гул барабанов и тем сильнее становилась вонь от сточных канав.

– Сегодня праздник? – спросила Элиза.

Она знала о любви индийцев к всевозможным праздникам. Здесь отмечали всё – от дней рождения богов до хорошего урожая, и это не считая многочисленных музыкальных празднеств.

– Не совсем.

Элиза остановилась посреди улицы.

– Что же тогда?

Индира лишь улыбнулась и зашагала дальше.

– Кири из семьи кукольников. Сегодня у них особый день. Пойдем, пока тебя рикша не переехал.

– Ты же сказала...

– Что это похороны. Так оно и есть. В некотором смысле.

– Сколько загадочности.

Индира рассмеялась и взяла под руки и Элизу, и широко улыбающуюся Кири.

– Сейчас сама все увидишь. Ты веришь в карму или в судьбу?

– В судьбу? Знать бы еще, что это такое.

– Я верю. Adit chukker – незримое колесо судьбы. У нас все относится к судьбе очень серьезно, и сегодняшний день не исключение.

Вдруг Элизу кто-то окликнул по имени, причем с английским акцентом. Обернувшись, она увидела раскрасневшуюся Дотти. Та бежала к ней.

– А я думаю – вы или не вы? – отдуваясь, выговорила Дотти. – Ну и запыхалась же я! Правило номер один: не носиться по этой жаре. А почему вы так одеты?

– Прозвучит странно, но меня пригласили на что-то вроде похорон.

– Боже правый! Это точно не опасно?

Дотти принялась оглядываться по сторонам, будто на них вот-вот должны были наброситься из темного переулка.

– Уверена, что нет, – успокоила ее Элиза. – Как поживаете, Дотти? Очень жаль, что вас не было на дурбаре.

– Ужасный приступ головной боли. Джулиан дает мне какое-то лекарство, но я от него мгновенно засыпаю. – Дотти

взяла Элизу за локоть и после секундного колебания произнесла: – Нет, серьезно – бродить по улицам без сопровождения...

– Я не одна.

Элиза кивнула в сторону Индиры и Кири.

– Я имела в виду...

– Я понимаю, что вы имели в виду, но со мной все будет в порядке. Правда.

– Думаете, Клиффорд одобрил бы вашу вылазку?

– Скорее всего, нет. Может, присоединитесь к нам?

Дотти улыбнулась:

– Я бы с удовольствием, но я здесь с Джулианом. Он покупает шахматы.

– Жаль. – Элиза отступила на шаг и оглянулась на Индиру.

– Ну что ж, значит, в другой раз?

Элиза кивнула:

– Извините, что вот так убегаю, но нехорошо заставлять себя ждать.

– Разумеется. До встречи.

Элиза уловила в голосе женщины грустные нотки и поняла, что Дотти тоже одиноко. Элиза решила в ближайшее время нанести ей визит.

Дотти зашагала прочь, а Элиза вернулась к Индире и Кири.

Наконец они вышли на окраину города и оказались на берегу реки. Она была не слишком широкой и на вид довольно

мелкой, и все же в воздухе летало меньше пыли, чем в основной части города, и даже ощущалась некоторая свежесть. А потом Элиза заметила небольшую толпу зрителей, собравшуюся на кукольное представление.

– Мы здесь ради этого?

– В каком-то смысле.

Марионетки трех футов ростом внушительно смотрелись на миниатюрной сцене. Их головы были вырезаны из дерева. Кукол нарядили в замысловатые костюмы. Элиза в жизни ничего подобного не видела. Частично скрытый от публики кукловод говорил через бамбуковую трубку, чтобы изменить свой голос. Он приводил в движение руки и ноги кукол, управляя ими с помощью нитей, привязанных к «суставам» марионеток. Сидевшая рядом с ним женщина играла на барабане. Именно эти звуки издала услышала Элиза.

– Этот барабан называется *дхолок*, – стала объяснять Индира. – В таких спектаклях рассказываются истории о судьбе. А еще о любви, войне и чести. Можешь спросить у Джая. Уж он не понаслышке знает, что такое честь.

У Элизы сложилось впечатление, что последнюю фразу Индира произнесла с намеком, но она тут же отмахнулась от этой мысли. Наверное, показалось.

– Эти люди – сельскохозяйственные работники из округа Нагаур. Их называют *катхпутьливала*. Обычно кукольные представления устраивают поздно вечером, но сегодня особый случай.

Кукольник завывал и свистел на разные лады, одна женщина пела и била в барабан, а вторая рассказывала историю.

– Сейчас будут похороны, – прибавила Индира.

– Чьи?

– Вот он лежит.

Элиза не испытывала ни малейшего желания увидеть мертвое тело и все же невольно повернула голову, однако увидела только Кири, сидевшую на земле рядом с еще одной трехфутовой марионеткой, распростертой на ложе из шелка.

– Эта кукла старая, она пришла в негодность. Больше она не может участвовать в представлениях.

Между тем спектакль закончился. Кукольник подошел к Кири и поцеловал ее в затылок, потом поднял старую марионетку и бережно понес к краю воды. Там он начал молиться. Элиза достала камеру и запечатлела эту сцену. Произнеся молитвы, кукольник вместе с Кири опустили марионетку в воду.

– Чем дольше она не утонет, тем больше будут довольны боги, – произнесла Индира.

– Почему Кири помогает кукольнику?

– Он ее отец.

– Но она ведь не живет с семьей?

– Ей нельзя. Все, кто работает во дворце, должны жить там.

После похорон куклы они побрели обратно через базары, уступая дорогу велосипедистам, огибая спящих коров и

обходя товары, разложенные прямо у них под ногами. Они остановились, только чтобы примерить разноцветные дупаты и ожерелья. Все трое принимали картинные позы и смеялись.

– А тебе идет индийская одежда, Элиза.

– Неужели обязательно было одеваться в нее с головы до ног? Разве не достаточно было просто прикрыть голову?

– Да, но я подумала, что так будет интереснее. К тому же меньше народу на тебя пялилось.

Элиза улыбнулась. Конечно, она чувствовала, что ее светлая кожа притягивает взгляды, но в остальном она чудесно проводила время. Давно она не ощущала такой беззаботной легкости. Умение Индиры ориентироваться в городе восхищало. Во время прогулки Элиза открыла в себе что-то новое. Им никто не досаждал. Женщин на улицах было великое множество: одни в покрывалах, другие с открытыми лицами. Элиза, Индира и Кири купили жаренные в масле шарики из теста под названием *голгане* и *дал-баати-чурма*¹⁶ (вареный рис с чечевицей, тушенной с овощами) и отправились перекусить в ближайший парк.

Когда они подходили к подножию холма, уже темнело. Элиза уставилась вверх, как замороженная. Яркие огни озарили крепость. Казалось, ее всю покрыли позолотой. Каждое

¹⁶ *Дал-баати-чурма* – блюдо, включающее дал, баати (круглые хлебцы) и чурму (сладкое блюдо из пшеничной муки, масла и пальмового сахара с фисташками и миндалем).

сверкающее окно манило, как путеводная звезда. Элизе чудилось: один неосторожный шаг, и она с головой провалится в этот сказочный мир, да так и останется там. Это был замечательный, счастливый день. Сегодня Элиза просто радовалась жизни, ей не нужно было постоянно держать оборону. Элиза надеялась, что они с Индирой смогут подружиться. У Элизы давно не было настоящей подруги.

Глава 8

Ночью Элизе приснился Оливер. Когда она проснулась, из глубин сознания помимо ее воли вдруг всплыли старые, забытые чувства и воспоминания. Перед мысленным взором встал тот день, когда они впервые встретились. Оливер уронил стопку книг, когда Элиза столкнулась с ним в книжном магазине – вернее, врезалась в него спиной. Помогая Оливеру собирать книги, она обратила внимание, что все они об искусстве. Элиза заметила несколько каталогов лондонских и парижских выставок. Она замерла на корточках, рассматривая фотографии, а потом Оливер опустился на пол рядом с ней. Сначала Элиза могла только кивать в ответ, но после нескольких минут его рассуждений о погоде они оба рассмеялись. Ситуация – нарочно не придумаешь: сидеть на полу магазина с незнакомцем! Затем Оливер помог ей встать и пригласил в кондитерскую по соседству с книжным.

Но идиллия длилась недолго. Элизе вспомнилась их бурная ссора. Она всего лишь сказала, что хочет стать фотографом. Она никак не ожидала, что Оливер так отреагирует. Но он безумно разозлился: хлопнул дверью и ушел из дома! Оливер не мог понять, зачем Элизе это нужно. В тот момент она испугалась. У нее перехватило дыхание, будто от удара. Увы, боялась она не зря: Оливер не заметил автобуса, который его сбил, а Элизе пришлось жить с мучительным чув-

СТВОМ ВИНУ.

Стук в дверь прервал поток ее воспоминаний. Элиза с удивлением увидела на пороге дева́на Чатура. Без улыбки, со взглядом, исполненным презрения, тот кончиками пальцев протянул ей лист бумаги.

– Я принес список особ, чьи фотографии вы должны сделать. Они перечислены в том порядке, в котором их надлежит фотографировать. А еще я наметил подходящие места для съемок.

– Все ясно.

Губы Чатура растянулись в улыбке, но глаза не улыбались.

– Я наверняка сумею выкроить время, чтобы иногда присутствовать на съемках, но если я буду занят, выделю вам в качестве сопровождения одного из стражников.

Элизу возмутило подобное вмешательство в ее дела.

– Я бы предпочла выбирать объекты для съемки сама. К тому же мне обещали полную свободу.

– В разумных пределах, мисс Фрейзер. В разумных пределах. Полагаю, вы найдете мой список весьма полезным. Я собрал несколько стражников, чтобы вы их сфотографировали. Они ждут вас в ближайшем дворе.

Чатур поклонился и вышел. Элиза вспомнила слова Лакшми. Конечно же, фотографу должно быть позволено работать по собственному усмотрению. Элиза не обязана повиноваться ничьим приказам. Она просто не станет обращать внимание на список Чатура.

Три стражника во дворе застыли по стойке смирно, и просьбы Элизы вести себя естественно не оказывали на них никакого действия. Элиза ломала голову, как создать более непринужденную обстановку для съемок. Неожиданно во двор вышел Дев и уставился на нее. Волосы у Дева были короче, чем у Джая, глаза темнее, нос крупнее, и в целом черты его лица выглядели более грубыми. У Элизы сложилось впечатление, будто Дев постоянно балансирует на грани, вот только на грани чего? За его дежурной улыбкой могло скрываться все, что угодно. Поначалу Дев глядел на Элизу настороженно, однако, оценив ситуацию, успокоился.

– Помощь нужна? – спросил он.

– Нет, вот только ума не приложу, как убедить их расслабиться. Хотелось бы застигнуть их врасплох.

Дев задумчиво поглядел на стражников и наконец улыбнулся:

– У меня есть как раз то, что надо.

Он достал что-то из своей сумки, а потом выудил из нее мешочек. При виде него стражники поспешили к Деву. Он сказал им несколько слов, и они закивали, даже не взглянув в сторону Элизы.

– Это игра, – объяснил ей Дев. – Называется *чаллас*.

Он развернул большой квадратный кусок холстины, покрытый шелком с квадратами и узорами. Дев сел на корточки, и стражники к нему присоединились. Он высыпал из мешочка фишки и раковины каури. Элизу восхитила красота

игральной доски.

– Похоже, вы хорошо ориентируетесь в дворцовой жизни, верно? – спросила она.

Дев сидел к ней спиной, но она видела, как он кивнул в ответ, а потом, казалось, и вовсе забыл о ее присутствии. Дев ловко придумал: теперь Элиза могла фотографировать стражников как угодно. И все же этот человек оставался для нее загадкой: сначала смотрел на нее с подозрением, потом помог ей. Как это понимать?

Во время короткого перерыва в игре Дев встал и подошел к Элизе.

– Этой игре не один век. Мы использовали ее, чтобы учить молодых людей военной тактике и стратегии.

– Значит, вы специалист по тактике? – (Дев пожал плечами.) – Можно узнать, что привело вас во дворец?

– Ходил на ястребиную охоту с Джаем. Прошу вас, не осложняйте ему жизнь, мисс Фрейзер. Джаю и без того нелегко приходится, а общение с вами только усугубит конфликт между ним и Чатуром.

– Неужели у Чатура и вправду в руках столько власти?

Дев кивнул:

– Боюсь, что да. Впрочем, Джай рассказывал, что вы уже жили в Индии.

– В Дели, но я тогда была совсем ребенком. После смерти отца мы вернулись обратно в Англию.

Дев молча глядел себе под ноги и поддевал носком камеш-

ки.

– Спасибо за помощь, – наконец произнесла Элиза. – Очень вам благодарна.

С этими словами она отвернулась и стала собирать фотоборудование.

На следующий день Элизе снова представилась возможность пообщаться с Джайантом наедине. Узнала она об этом, только когда садилась в коляску мотоцикла. Элизу не предупредили, что в индийскую деревню ее повезет именно Джай, но похоже, он сам вызвался ее сопровождать. Элизу это и удивило, и порадовало. Сегодня Джай надел длинную тунику в индийском стиле с европейскими брюками, и то и другое темно-серого цвета. От Джая исходил едва уловимый аромат сандалового дерева – такой же, как и от Лакшми, но с нотками кедра и, кажется, лайма.

– Хороший у вас мотоцикл, – похвалила Элиза.

– Раньше я ездил на «Бро сьупериор», но в начале года его угнали. А это «Харли-Дэвидсон».

Стоило мотоциклу прийти в движение, как колеса подняли в воздух целые тучи песка. Элиза старалась смотреть только прямо перед собой. Поначалу ее сковала неловкость, но потом она решила воспользоваться представившейся возможностью. Она столько еще не знала о Джае и о мире, в котором он жил. Иногда его будто окутывало мрачное облако, но веселость и энтузиазм тоже были ему не чужды. И все же

Элиза чувствовала, что с ним не все так просто. Далеко не просто.

– Надеюсь, не придется опять трястись по дорогам несколько дней? – спросила она, перекрикивая рев мотоцикла.

Джай рассмеялся:

– Ехать недалеко, к чаю вернемся. В этой деревне вам уж точно будет на что посмотреть. Никаких городских новшеств. Увидите, как живут простые люди, и, если повезет, сфотографируете интересные лица. Кстати, Индира родом оттуда.

Когда они выехали из города, Элиза обратила внимание, что воздух вокруг был на удивление влажным. Она заметила коз, пасшихся посреди дороги. Глядя на верблюдов и буйволов, Элиза с удивлением поняла, как быстро привыкла к этому новому миру. Ей нравилось все: запах пустынных песков, ветер в волосах, а больше всего – то, что здесь она будто обрела то, чего ей давно недоставало.

– Простой уклад в здешних местах сохранился с глубокой древности, – прокричал Джай, перекрывая рев двигателя. – Ремесленники ткут ковры из верблюжьей шерсти и лепят горшки из местной глины так же, как и их предки много веков назад. Мне нравится, что здесь уйма птиц.

– Любите наблюдать за птицами?

– Не то чтобы я интересовался орнитологией, но здесь проходят миграционные пути многих видов. А еще, если бу-

дете внимательны, заметите попугаев и павлинов.

Вдохновенный монолог Джая показал Элизе жизнь под новым углом, под которым она раньше на нее не смотрела, и это было очень волнующее ощущение. При каждой встрече Джай находил чем ее удивить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.